

ОЛЕГ БЛОХИН

ГОЛ, КОТОРЫЙ
Я НЕ ЗАБИЛ

ЗНАМЕНОСЦЫ
СПОРТА

*Родителям моим
посвящаю*

КЛИСФ. "НАШИ В ЕВРОКУБКАХ"

*В этой книге я
рассказываю о товарищах,
о себе и о том футболе,
который познал на
собственном опыте
и составил о нем твердое
мнение.*

А в т о р.

ОЛЕГ БЛОХИН

ГОЛ, КОТОРЫЙ Я НЕ ЗАБИЛ

Повесть о футболе

*Литературная запись
ИГОРЯ ЗАСЕДЫ*

КИЕВ. ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ЛКСМУ «МОЛОДЬ»
1981

БК 75.578
7А8.5
Б70

Эта книга — о футболе.
Заслуженный мастер спорта СССР
Олег Блохин рассказывает о наиболее за-
помнившемся в его выступлениях за свой
клуб — киевское «Динамо» и в составе
сборной страны, высказывает свое мнение
об этой популярной игре.

Последнюю каплю в переполненную чашу плеснул нам «Штутгарт». Первый матч на киевском поле в играх Кубка УЕФА мы выиграли со счетом 2 : 0, что виделось вроде бы неплохой форой перед поездкой в Западную Германию. Но эта фора и стала началом нашей неудачи, ибо, как и рассчитывал тренер «Штутгарта» Г. Эпенхоф (он об этом заявил после матча), мы привезли защитный вариант, упростив тем самым задачу грозному сопернику. Была середина декабря, сезон давно закончился, в игре каждого из нас наступил спад, преодолеть его мы так и не смогли.

Поединок в Штутгарте был нами проигран со счетом 0 : 3.

62

Кубок СССР выставили на всеобщее обозрение в витрине Украинского отделения АПН, и с утра до поздней ночи, пока не гас свет, толпились на крошечном отрезке Крещатика сотни людей. Разглядывая его сверкающие, словно горящие огнем многих сердец, боровшихся за него и поднимавших над головой в экстазе победы, алмазные грани, наши поклонники, быстро привыкнув к Кубку, уже говорили, спорили, мечтали о будущем. И мысль, что хорошо бы увидеть в Кубке золотые медали чемпионов СССР, все чаще проскальзывала в настроениях репортеров и обозревателей, а уж наши болельщики за то время, пока мы возвращались из Москвы, буквально засыпали нас телеграммами — с поздравлениями и пожеланиями. Не знаю, чего там было больше — радости от полученного удовольствия видеть свою команду с Кубком в руках или требовательных надежд и пожеланий с таким же энтузиазмом ринуться в бой за медали и европейский Кубок кубков.

Словом, нежиться на лаврах нам не посчастливилось, и уже на следующий день мы приступили к тренировкам и подготовке к предстоящим играм. Мы уже знали первого соперника — это был семнадцатикратный чемпион Болгарии ЦСКА «Септемврийско знаме», пятеро игроков клуба выступали на мюнхенском чемпионате мира.

Я был мальчишкой, когда киевское «Динамо» первое из советских команд отправилось в трудное плавание по европейскому клубному «морю», и первые попытки достичь конечной цели разбивались еще при выходе из гавани или же на полпути, но ни разу за почти десять лет не блеснул вдали

уставшей динамовской команде огонь маяка в том незнакомом порту, куда запросто заходили «футбольные лайнеры» многих стран Европы.

А ведь начало было таким солнечным и многообещающим, когда в двух матчах сезона 1965 года «Динамо», ведомое В. А. Масловым, с общим счетом 10:1 выиграло старт у малоизвестного североирландского клуба «Колрейн» (кстати, четыре мяча забил Олег Базилевич), а затем сложил оружие опять же малознакомый в высших футбольных сферах норвежский клуб «Русенборг». Андрей Биба, Анатолий Пузач, Владимир Хмельницкий и Олег Базилевич были первыми советскими спортсменами, забившими голы в первом «плавании» за европейским Кубком.

Динамоцы Киева — чемпионы СССР — ушли тогда на зимние каникулы полные надежд, но уже 12 января 1966 года знаменитый «Селтик» на своем поле, можно сказать, полностью лишил киевлян этих надежд, и ничья, завоеванная в Тбилиси спустя две недели, оказалась высшим достижением.

Но лишь осенью следующего года, когда вопрос о золотых медалях чемпионата СССР был для «Динамо» практически решен, киевляне осмелились вступить в борьбу за Кубок европейских чемпионов. Судьба сразу преподнесла им сюрприз, когда в штаб-квартире ФИФА первым соперником был назван шотландский «Селтик». Другие бы, наверно, посетовали на злобредность жребия, динамовцам же перспектива вновь схватиться со своим унижителем показалась столь захватывающей, что они не скрывали радости! Не выдержал даже обычно сдержанный, не любящий сенсаций ни в деле, ни, тем более, в прожектах Маслов: «Мы не обеспокоены тем, что доведется играть с «Селтиком», — заявил он. — Лучше с хорошим клубом потерять, чем с плохим найти!»

О том матче в Глазго 20 сентября 1967 года потом говорили долго. Анатолий Бышовец любил вспоминать, как принимали киевлян в известном футбольном центре Европы: окружили вниманием, осыпали розовыми лепестками лести на страницах газет, болельщики охотились за автографами. И вся эта шумиха была подчинена одной-единственной цели — приукрасить, превознести «Динамо», чтобы очередная победа над ним не выглядела простым, едва ли не заурядным делом. Но «Динамо» осени шестьдесят седьмого ни в малейшей мере не нуждалось в приукрашивании: чемпионы страны находились в великолепной форме. Поколение динамовцев тех лет уже почувствовало вкус «золота» и «хрустала» отечественного производства, им нетерпелось выяснить, что же

они значат на международной арене в сравнении с признанными фаворитами Европы.

«Селтик» был сокрушен прекрасными голами Анатолия Пузача и Анатолия Бышовца, сумев забить лишь мяч престижа. Футбольная Европа была просто-таки потрясена, о «Динамо» заговорили. А когда ответный визит в Киев тоже не принес шотландцам успеха (1 : 1, гол забил Анатолий Бышовец), украинский клуб почитателями футбола был отнесен к ведущим клубам Европы.

Но счастье длилось недолго: польский «Гурник» уже в ноябре 1967-го нанес киевлянам поражение в их родных стенах — в Киеве, а затем свел вничью атаки гостей у себя в Хожуве (1:1), и выбил их из розыгрыша Кубка чемпионов.

В последующие годы «Динамо» спотыкалось на итальянской «Фиорентине», позже, когда уже за основной состав довелось играть и мне, — испанский «Реал» в марте семьдесят третьего перекрыл путь к полуфиналу.

Что же принесет нам новое путешествие?

«А он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой!» — процитировал М. Ю. Лермонтова один безвестный доброжелатель, приславший в команду телеграмму как раз накануне отъезда в Софию...

Покой в буре? Неизвестный автор телеграммы попал в самую точку: только в буре международных встреч мы могли обрести не покой, нет, — признание!

Скептицизм, столь распространенный по отношению к «Динамо» в том сезоне, стал как бы отправной точкой отсчета в оценке нашей победы над гостями из Болгарии в первом матче. Действительно, на своем поле, имея подавляющее преимущество, мы сумели провести в середине второго тайма гол и большего, как ни старались, добиться не смогли. Софийские армейцы стойко защищались, более всего заботясь о неприкосновенности ворот, мы же спешили и стремились атаковать и атаковать, прямолинейно и бездумно. Чем упрямее и поспешнее мы стремились оказаться у ворот соперника (а нам это удавалось благодаря отлично игравшей полузащите), чем больше выгодных ситуаций появлялось у нападавших, тем больше брака было в завершающих ударах. Почему? Корень зла крылся именно в той сравнительной, конечно, легкости, с какой мы организовывали голевые ситуации, словно бы уверовав в то, что ничего страшного не произойдет,

если и на сей раз мяч пройдет мимо. Будут ведь еще и еще благоприятные моменты!

А вещи эти взаимосвязаны: раз промазал, второй, и внутри у тебя словно какой-то чертик сидит и паникует — время, время уходит, а на табло 0:0.

Такая же картина наблюдалась и в игре с болгарями. Мы нервничали, и чем дальше, тем сильнее. Трибуны посвистывали, тренеры, стоило лишь приблизиться к тому месту, где они сидели, покрикивали.

Бывает такое в спорте: чем неистовее хочешь победы, тем труднее она тебе достается. Мы все-таки победили болгар, хотя гол, который я забил на 58-й минуте, к разряду особо воодушевляющих не отнесешь.

С таким же счетом мы выиграли в Софии — гол снова посчастливилось забить мне — с «крученной» подачи Веремеева.

Зато в одной восьмой финала мы должны были встречаться с «Эйнтрахтом» из Франкфурта-на-Майне, лидером чемпионата ФРГ, имевшем в своих рядах двух чемпионов мира-74 — Хольценбайна и Грабовски.

Первым улетел во Франкфурт В. В. Лобановский. В его задачу входило познакомиться с клубом, присмотреться к игрокам, побеседовать с журналистами, словом, произвести разведку соперника. Это было необходимо, потому что воспоминания об «Эйнтрахте»-72, когда «Динамо» легко расправилось с ним в товарищеском матче, носили скорее эмоциональный характер. И у меня, видевшего тот матч с трибуны, мало что сохранилось в памяти, разве что отсутствие сильнейшего форварда Грабовски, да еще то, что немцы играют четко и цепко как в нападении, так и в защите.

Старший тренер привез не только ворох фактов, но и определенное видение игры во Франкфурте. «Многое из того, что мы пока способны выполнять на макете, немцы легко делают в игре», — подвел итог первой беседы Валерий Васильевич.

Пожалуй, никогда прежде мы не тренировались с такой конкретной и заранее определенной задачей. Тренировались в игре не против соперника вообще, а против «Эйнтрахта» конкретно. Имена не знакомых нам лично Грабовски, Хольценбайна, Кунтера, Мюллера, Никкеля, тренера Вайзе звучали то тут то там. Мы словно свыкались с ними, прикидывали каждый на свою мерку, как и что нужно будет делать, когда мы встретимся в поединке на поле Франкфурта. Этот психологический практикум, как оказалось позже, действительно сыграл огромную роль, когда мы оказались на поле и стали знакомиться с игроками «Эйнтрахта». Высокий, рослый

Грабовски, 28-летний форвард, находившийся в прекраснейшей спортивной форме, подвижный, немного нервный Хольценбайн, несколько самоуверенный Вайзе...

«Динамо» вышло в таком составе: Рудаков, Зуев, Матвиенко, Фоменко, Решко, Маслов, Мунтян, Онищенко, Колотов, Веремеев и я. Отсутствие Трошкина и Буряка, они еще не оправились после травм, конечно, нарушило обычный игровой ансамбль.

Судил в поле португалец Корреро, не слишком часто бравшийся за свисток, но зато активно действовавший желтой карточкой — нам он показал ее четыре раза, хотя причин, по моему разумению, на то не было. Португалец имел собственное мнение на некоторые положения правил, и мы так и не смогли приспособиться к его стилю, ибо он наказал Фоменко за то, что тот принял от Рудакова мяч в штрафной, а Веремеева в момент, когда врач оказывал ему помощь... Даже сдержанные немецкие зрители негодовали и освистывали рефери, который — я подчеркиваю — в целом провел матч превосходно.

Легко сказать, да тяжело сделать: сколько на тренировках мы не проигрывали начало матча, оно получилось вовсе не таким, каким мы его себе представляли. Не успели мы и пару раз переброситься мячами, даже не почувствовали поля и не рассмотрели, как следует своих опекунов или опекаемых, когда грянул гром.

На второй минуте, подбадриваемый возгласами трибун, юркий и быстрый полузащитник Никкель сделал затяжной рывок и, воспользовавшись секундным замешательством защитников, долго определявших, кто же должен выходить немцу навстречу, ударил, и Рудаков лишь запоздало взмахнул руками. Потом, после матча, Евгений признался: «Гол Никкеля просто-таки потряс меня, ведь я готовился к длительной и добротной организованной осаде, а тут на тебе — первый же прорыв, и гол. Таким кого угодно выбьешь из колеи. Я долго не мог прийти в себя».

Это тревожное, неуверенное состояние голкипера мы уловили сразу: Женя как-то съежился, сгорбился, часто оглядывался назад, что-то кричал защитникам, «расставлял» их по своему усмотрению, то есть выказывал все признаки неуверенности и беспокойства. Гол, влетевший в наши ворота в самом начале игры, да еще на чужом поле, казалось, перечеркнул все установки «выездной модели», у меня даже мелькнула мысль, что меньше чем тремя голами нам не отделаться... Но этот гром принес и освежающее действие дождя.

Я видел, как уплотнилась оборона, как ребята прикрывают ворота, иной раз по-хоккейному бросаясь под мяч, как усилили движение вперед Колотов и Веремеев. Впрочем, на анализирование обстановки времени не оставалось — нужно было играть, да так, чтобы у немцев не возникло ни малейшего просвета, позволившего бы им вновь беспрепятственно атаковать. Судя по дальнейшим событиям первого тайма, франкфуртцы тоже были сбиты с толку легкостью, с какой им достался гол: он, казалось, подтвердил предсказания местной прессы, что «Динамо» — не главный противник «Эйнтрахта» на пути к Кубку.

Но нужно отдать немцам должное: дело они свое знали, исполняли его профессионально, и где бы я ни появлялся — на правом или левом фланге, в центре или начинал атаку от обороны — непременно натывался на одного, чаще — двух защитников, преследовавших меня по пятам или передававших по цепочке. Первые минут двадцать мы бегали плечо в плечо, и моя скорость была нивелирована их скоростью, но потом я стал обнаруживать, что мои опекуны дышат тяжело и теперь не несутся за мной, как гончие за зайцем на лондонском стадионе «Уэмбли» во время розыгрыша «Кингс кап», а «проваливаются», и не всегда успевают перекрыть путь к воротам.

Кунтер, вратарь «Эйнтрахта», однако, брал мячи, помогали ему наши поспешность и неточность. И все же Володя Онищенко отквитал гол, и сделал это, кажется, так же неожиданно, как Никкель.

Ничья, если признаться, стоила нам огромного расхода энергии. В перерыве, когда мы отдыхали, Лобановский сказал: «Ребята, сейчас они пойдут в атаку всей командой. Их никак не устраивает ничья на собственном поле. Нужно выстоять во что бы то ни стало. Я не призываю вас уйти в глухую оборону. Нет и еще раз нет! Выстоять, чтобы потом атаковать!»

Тренеры как в воду глядели: немцы действительно устремились в атаку, но главным объектом своих устремлений они избрали... Рудакова. Неуверенная игра динамовского голкипера в первой половине встречи подсказала Вайзе идею — вратаря вывести из себя окончательно, заставить делать ошибки и именно здесь добиться решающего успеха.

И пошло-поехало! Немцы стали играть жестко, точно, решительно, нас буквально прижало к воротам, и вихрь, готовый в любой миг обрушиться на наши головы, бушевал на ближних подступах к воротам. Рудаков не успевал перево-

дуть дух, даже когда он падал и брал мяч, франкфуртцы пытались выковырнуть его из рук. Судья не поспевал к эпицентру схватки и потому не видел, как на вратаря идет повальное наступление — его хотели сбить с толку, заставить потерять себя, запугать, наконец.

Сколько ни видел матчей до и после «Эйнтрахта», мне не приходилось становиться свидетелем игры целой команды на одного вратаря. Может возникнуть вопрос: а разве в других матчах противник не ведет игру, конечной целью которой является капитуляция вратаря? Конечная цель любого футбольного поединка — именно взятие ворот. Но обычно удар распространяется на всех или на многих игроков противостоящей команды и сила его как бы дробится. Здесь же футболисты «Эйнтрахта» все свое мастерство, настойчивость, спортивную злость направили против Рудакова: они били по воротам даже тогда, когда не существовало и малейшего, микроскопического шанса на успех.

Мы, как могли, сдерживали натиск, но напор был слишком силен.

Вот уже Рудаков, не рассчитав ситуацию, бросается на перехват в общем-то безопасного мяча и... сталкивается с кем-то из нападающих «Эйнтрахта», падает, и мяч, никем не контролируемый, катится в направлении ворот. И тут из-за наших спин выскакивает все тот же Никкель, и... мяч чудом пролетает в нескольких сантиметрах над перекладиной.

Не успел Рудаков вернуться на позицию, как Рорбах, нападающий хозяев, долгое время как бы державшийся в тени, опережает Маслова и выходит один на один с Рудаковым. Маслов хоть и настигает его, но сзади, и Рорбах падает как раз на одиннадцатиметровой отметке.

Все!

Судья решительно (я заметил, что рефери всегда как-то по-особому — твердо и сурово идут к метке) направился к белому кружочку в непосредственной близости от ворот Рудакова. Тот сгорбился, словно бы стал ниже, наклонился, приготовился к прыжку. Но защитник Кербель не спешил: он долго устанавливал мяч, неспеша отходил, оглядываясь, а мы просто кипели — да бей же ты, бей, не тяни! Но Кербель не слышал нас. Наконец он приготовился, глубоко и громко вздохнул мощной грудью — разбежался и ударил. Женя угадал направление полета мяча, но лишь угадал...

Второй раз за игру мы почувствовали не разочарование и подавленность, а безудержное желание играть и выиграть.

Трудно все это объяснить, почему мы с невероятным подъемом и энтузиазмом кинулись в атаку. Даже Хольценбайн, все это время курсировавший в непосредственной близости от нашей штрафной и выжидавший благоприятный случай, чтобы завершить атаку, и тот оттянулся к воротам Кунтера.

Я увидел, что защитники не успевают больше за мной, и ни секунды не стоял на месте, возникая в самых неожиданных для немцев местах. Они теперь нервничали даже тогда, когда я был без мяча. Это уже кое-что да значило!

— Олег, давай! — кричал мне Онищенко. — Давай!

Пот с нас катился градом, заливал глаза, мешая видеть происходившее. Я был переполнен желанием играть, и это самое радостное чувство, какое мне только довелось испытать в жизни.

Когда в очередной раз я понесся к воротам, мои опекуны, совершенно обессилившие, казалось, застыли, как манекены, и лишь глазами провожали меня. Я увидел, как заметался Кунтер, не зная, с какой ноги я пробью, но было поздно. Все свои силы я вложил в этот гол.

А за три минуты до финального свистка Мунтян оказался проворнее защиты «Эйнтрахта» — 3 : 2.

Дома нас ждали поздравления... и игры чемпионата СССР, где наша победа над «Эйнтрахтом» никак не повлияла на ход первенства и уж, конечно, никто не собирался давать нам передышку. Правда, за четыре тура до конца мы имели солидный отрыв в пять очков от «Черноморца», вместе со «Спартакком» претендовавшего на медали первенства. Но по-прежнему нас не все признавали. Известный в прошлом футболист и не менее известный тренер Андрей Старостин писал в те дни: «Отдавая должное сильнейшему коллективу на сегодняшний день, тем более уместно высказать неудовлетворенность выступлениями команды в отдельных матчах, когда о стремлении к победе и помина не было. Как будто игралась запланированная ничья: такую манеру зритель не преемлет!»

Я мог согласиться со зрителем, пришедшим на матч и жаждущим гола, согласиться с его в общем-то понятным неудовлетворением, когда гола нет; но никак не мог взять в толк претензии специалистов, коим лучше других известно, из какого неисчислимого количества факторов складывается современная игра. «Нет, — сказал мне однажды Валерий Борзов, — если б я стремился непременно побеждать в предварительных, четвертьфинальных, полуфинальных забегах лишь на радость зрителям, то в финале я был бы последним и меня на полном основании обвинили бы в тактической безграмот-

ности. Ибо существует диалектика борьбы, которая рассматривает промежуточные этапы лишь как способ пробиться на следующий этап состязаний — и не больше!»

Правда, футбол — не легкая атлетика, и чемпионат СССР растягивается на многие месяцы. Я убежден: если бы мы выигрывали все матчи подряд, то, как это ни парадоксально, люди перестали бы ходить на футбол, интерес к игре был бы убит предрешенностью конечного результата. Ведь не случайно футбол определяется словом игра, то есть — это не результат, высчитанный ЭВМ, не арифметическая сумма, сложенная из количества и качества игроков и т. д.

Чтобы меня правильно поняли, скажу, что я не ратую за серый футбол, за очки, добытые любым путем, — никогда в «Динамо» не признавали подобную тактику. Спортсмену, как и всем людям, свойственны подъемы и спады, удачи и разочарования. Но своей волей, настойчивостью, нередко нелегкой ценой, он преодолевает трудности во имя зрителей, ибо он стремится, чтобы частичка его энергии и уверенности передавалась зрителям и помогала им тоже выходить победителями в жизни. Мы играли, не всегда удачно, не всегда красиво, как того хотелось не одним лишь болельщикам, но и нам самим, но в команде я не встречал еще ни одного футболиста, который не любил бы футбол, игру, которой мы посвящаем свою молодость, отдаем лучшие годы и силы, а потом, повесив бутсы на гвоздик, начинаем жизнь как бы заново, а это, скажу вам, крутое испытание, которое выдерживают далеко не все даже из тех, кто вынес самые суровые тяжести спортивной борьбы...

Когда «Эйнтрахт» прибыл в Киев, на лице Дитриха Вайзе было олимпийское спокойствие, а его заявление на пресс-конференции перед матчем показало, что сдаваться он не собирается. «Кое-кто уверяет нас, будто, проиграв матч дома, мы фактически проиграли всю встречу. Я не придерживаюсь такой точки зрения. «Эйнтрахт» — клуб, уверенный в своих силах. Имея в своем составе таких солистов, как Грабовски и Хольценбайн, мы можем и на чужом поле поставить первоклассный спектакль. Во Франкфурте неудачно сыграли наши защитники. Думаю, они получили хороший урок. Сейчас мы в бундеслиге среди лидеров и в Киев приехали не как туристы...»

Игра вызвала большой интерес. На Республиканском стадионе трибуны уже были забиты почти до отказа, а люди все шли и шли. Когда динамовский автобус пробивался сквозь толпы болельщиков, нам улыбались, что-то кричали задорно и

воодушевляюще, и это всеобщее настроение праздничности передавалось и нам. Даже на разминке мы старались показать себя с лучшей стороны, продемонстрировать то, на что способны в умении владеть мячом.

Гости понаехали из Москвы, Ленинграда, Тбилиси. Прилетел и Виктор Александрович Маслов. Он сказал журналистам: «Девять лет тому назад, находясь в хорошей форме, киевляне дебютировали в европейских турнирах. Все уже тогда ждали от нас весомых побед. Но это особые турниры. Победы в них требуют зрелости. Мне думается, что теперь эта зрелость пришла к киевлянам. Я уверен, что сегодня все будет хорошо, хотя «Эйнтрахт» и из твердых орешков».

Всего 52 секунды(!) понадобилось нам, чтобы открыть счет, когда мы всей командой двинули в атаку. Новый вратарь Винхольд, сменивший Кунтера, не удержал в руках мяч, сильно посланный Матвиенко, и набежавший Владимир Онищенко добил его в сетку ворот западногерманского клуба.

Игра продолжалась в таком же быстром, комбинационном плане и дальше, немцы, никак не могли углядеть за теми, кто нуждался в опеке, хотя меня им удалось при помощи плотного прессинга основательно прикрыть. Но ведь в «Динамо» не один Блохин голы забивает! После углового в конце первого тайма Колотов воспользовался нервозностью вратаря и переадресовал мяч Онищенко, и тот с близкого расстояния забил. 2:0.

С таким непривычным для немцев счетом мы ушли на перерыв.

Мы ожидали, что наши гости — терять им практически было нечего — теперь будут штурмовать и приготовились встретить их и действовать на контратаках. Начало, казалось, подтвердило это. Немцы вывели вперед Горбаха, и тот блестяще использовал предоставленный ему шанс.

Но после этого на поле стало происходить нечто непонятное: гости подолгу разыгрывали мяч на собственной половине поля, действуя так, будто не они, а мы проигрывали. Вызвав поначалу недоумение в наших рядах, тактика Вайзе вскоре перестала быть для нас загадкой: «Эйнтрахт», убедившись в надежности динамовской обороны, решил играть в кошки-мышки, пытаясь выманить нас поближе к собственным воротам и контратаковать.

Западногерманский тренер этим ходом лишь подтвердил, что ничего путного в первом проигранном матче не почерпнул, более того, хотел навязать нам игру, которая в целом ряде матчей сезона была продемонстрирована динамовцами

IV. ЭТОТ НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ГОД

...Сезон 1975-го мы открыли... 24 декабря 1974-го и впервые начали не с нуля: уходя в отпуск, сдавая экзамены и зачеты в институте (ведь большинство футболистов «Динамо» заканчивают Киевский государственный институт физкультуры), ни на день не забывали о тренировках. Индивидуальные задания, специально разработанные на время каникул, должны были поддержать высокую физическую готовность организма и в то же самое время предоставить ему такую необходимую разгрузку. Обследования, которым нас подвергли сразу после начала сбора, показали, что все — или почти все — ребята улучшили собственные показатели.

103

Мы даже мало говорили о предстоящем поединке с турецким клубом «Бурсаспор» в четвертьфинале Кубка кубков.

О турецких футболистах сведения были скудными, и потому, прямо из Франции отправляясь в Стамбул, мы могли разве что гадать, каким предстанет перед нами «Бурсаспор». Попытки тренеров получить какую-либо информацию из печати или из бесед со специалистами не увенчались успехом.

Нам нужна победа, но не победа любой ценой — так или приблизительно так выглядела идея, выдвинутая динамовскими тренерами перед турецкой встречей.

В Стамбуле, куда «Динамо» прилетело из Франции, нас поджидал автобус. Водитель — усатый, худой, энергичный турок — помог загрузить вещи, что-то громко выговаривая при этом. Он был первым болельщиком, который встретился нам в Турции, и отнюдь не самым агрессивным, хотя, как выяснилось, он без обиняков предрекал нам поражение и уже возносил благодарственные слова аллаху.

Автобус долго петлял узкими улочками, потом пошли поселки, суровые и неприветливые на вид: от Стамбула до Бурсы — довольно большого города в 250 километрах от столицы — мы сделали несколько остановок. Длительное путешествие по Европе, перелет, оказавшийся утомительным, и некоторое беспокойство по поводу предстоящей встречи — это ведь был первый официальный матч в новом сезоне, — все

104

это тяжестью навалилось на нас, да и усталость брала свое. Шофер-болельщик вел машину неровно, нервно, то развивая дикую скорость, словно испытывая наши нервы, то тянулся, как старый рыдван. Заснуть было трудно, и мы с нетерпением ожидали конца поездки.

«Челикпалас» выглядел вполне современным отелем, и его единственный недостаток состоял в том, что он располагался в центре города, где болельщики столь фанатично преданы местной команде, что готовы не спать и не есть сутками лишь бы только услужить своим любимцам.

Мы устали с дороги, и тренеры отменили намеченную тренировку, заменив ее знакомством со стадионом имени Ататюрка. После раннего ужина ребята разбрелись по номерам, предвкушая глубокий сон, да не тут-то было.

Бесконечное море болельщиков колыхнулось перед гостиницей, размахивая тысячами рук и что-то неистово выкрикивая. «Ого, да мы, кажется, пользуемся вниманием», — подумал я, наблюдая из окна, как новые и новые толпы людей увеличивали и без того представительный сход. Истинные намерения турки выказали чуть позже, когда нас стало клонить ко сну. Дикие звуки, напоминающие одновременно молитву и призыв к погрому, рев трещоток и бубнов, какофония автомобильных сирен проникали сквозь стены отеля, и стекла в окнах, казалось, готовы были вылететь и рассыпаться на мелкие кусочки.

Даже ливень, обрушившийся на головы веселых турецких парней, оказался бессильным перед любовью к «Бурсаспору».

Ночь минула в кошмарном полусне.

Поле после дождя стало тяжелым и вязким, но на Черноморском побережье мы и не такое видывали, непредвиденная же получасовая задержка начала матча позволила нам собраться с мыслями и даже... отдохнуть. Конечно, привыкнуть к истошным крикам и реву тысяч зрителей полностью было невозможно, но ночное испытание нервной системы обернулось нам на пользу: мы уже больше не реагировали на это «механическое» давление на психику. Игра началась, и как говорится, в одни ворота, спустя пять минут стадион поутих; действия «Бурсаспора» напоминали классическое итальянское «катеначчо», с той лишь разницей, что этот вариант не был добровольным, а навязанным активными действиями «Динамо».

Первые сорок пять минут Рудаков скучал, ходил иногда чуть ли не за середину поля и оттуда давал «ценные указания». На 21-й минуте Онищенко послал мяч в ворота

105

голкипера сборной Турции Расима, этот гол оказался победным. Дальнейшие события на поле раскручивались тоже под нашу диктовку, и, выполняя установки тренеров, мы старались показывать индивидуальное техническое мастерство, не обнажая сложившихся и наигранных связей.

Когда через две недели турки приехали в Киев, они уже не представляли для нас загадки, и мы не сомневались, что путь в полуфинал был для нас открыт. Это не могло не сказаться на настроении, а значит, на том эмоциональном уровне коллективных действий, который и есть определяющим в большинстве игр.

Как всегда, за два часа до отъезда на Республиканский стадион мы собрались в зале и тренеры, назвав одиннадцать футболистов, дали план на игру: «Прессинг и еще раз прессинг с первых же секунд матча!»

Турки, безусловно, сделали поправки после первой встречи: попытались навязать нам активные действия и стремились прорваться к воротам Рудакова. Однако монотонный размеренный ход матча им изменить не удалось: попытки обострить атаки наткнулись на точные передачи, умение владеть мячом, сполна продемонстрированные динамовцами. Со стороны первый тайм смотрелся, по-видимому, не слишком интересно (единственный гол был забит Колотовым с пенальти после того, как меня снесли в штрафной).

Но мы были бы никуда не годными спортсменами, если бы довольствовались просто победой. На нас собралось поглядеть почти сто тысяч киевлян и гостей столицы, и мы должны были оправдать их ожидания.

Вторая сорокапятиминутка была полной противоположностью: атакующие действия «Динамо» обрели такую мощь, что турки вынуждены были вдесятером уйти в глухую защиту, думая уже не о выигрыше, а о том, как бы не быть наголову разгромленными. Удары следовали с разных дистанций, и вратарь «Бурсаспора» едва успевал отбивать мячи. Соперники совершенно потеряли голову, и одну из наших атак они прерывают недозволенным приемом — Онищенко грубо сбивают в своей штрафной.

Пенальти точно реализует Виктор Колотов.

Мне в этом матче свободу действий связал защитник по имени Исхан — раньше я не встречался с человеком, который стал бы моей тенью в полном смысле этого слова, и эта тень доставила мне немало неприятностей. Обладая неплохим техническим арсеналом, Исхан зорко следил за... судьей, и стоило ему убедиться, что его никто не накажет, применял

против меня жесточайший прессинг, отчего мои ноги буквально пылали от бесчисленных ударов.

Впрочем, я все же сумел оторваться от него, когда Онищенко точно подал мне мяч. 3:0.

После матча капитан гостей — веселый и энергичный бородач Орхан — поздравил нас с победой и пожелал выиграть Кубок кубков.

Если о чем мы и молили судьбу накануне жеребьевки в штаб-квартире УЕФА, так это о том, чтобы она не выставила нам заслон на пути к финалу в лице голландского клуба «Эйндховен».

Но именно лидер первенства Голландии, победитель знаменитого «Аякса», поставленный в том сезоне «Франс-футболом» на первое место в Европе, был объявлен экзаменатором «Динамо». «Жаль, что жребий свел наши клубы в полуфинале, — заявил президент «Эйндховена» Гроневельд. — Лучше бы они встретились в решающем матче на Кубок. «Динамо» — сильная команда, но наши парни близки сейчас к заветной цели — стать чемпионами страны и взять европейский приз. Вряд ли они упустят свой шанс...»

Нужно было знать профессионалов, их отработанную систему поощрений, нарастающую в геометрической прогрессии от значимости занятого места, чтобы понять: соперник будет бороться только за победу. «Эйндховен» — заводская команда огромного межнационального концерна «Филлипс» — должна была своей двойной победой внести весомый вклад в рекламу концерна.

Слава голландцев (не следует забывать, что в памяти любителей футбола, да и самих футболистов, еще были живы картины удивительной игры, продемонстрированной сборной Страны тюльпанов на чемпионате мира) сделала свое дело. Как ни старались тренеры убедить нас, что «Эйндховен» тоже можно победить, что игроки его не выделяются чем-то особенным и они не обладают неким «таинственным оружием», противопоставить которому нам будет нечего, в душе у нас царил какой-то неуверенность. Но это было вовсе не от страха, а от чрезмерного желания не упасть лицом в грязь перед голландцами, показать, что и мы умеем играть... Вот только хватит ли смелости доказать это именно в поединке с голландцами? Труднее, пожалуй, было внушить себе, что не всякий голландец — Круифф...

Даже пространный доклад В. В. Лобановского, вернувшегося из Голландии (в советском футболе закладывалась прогрессивная традиция — готовиться к поединкам, знакомясь с

соперником в деле, и тренеры «Динамо» много поспособствовали этому), не успокоил, а скорее обострил опасения, и мы продолжали преувеличивать качества «Эйндховена» в прямой зависимости от того, какая кому предстояла роль на поле. Слабо проведенные матчи с турками, — а именно так я расценивал собственный вклад в победу, ибо задача нападающего состоит в том, чтобы забивать голы, все остальное — хорошо оно или плохо — лишь прелюдия к главному, — заставляли слишком много времени отдавать самоанализу.

— Не бери в голову, — успокаивал меня Буряк, когда мы накануне матча отправились подышать воздухом на луг в Конче-Заспе. — Не забил ты, забил Онищенко, Колотов. В конце концов важен конечный командный результат.

— Не в том дело, я хочу научиться забивать мячи не только летом, но и весной. К тому же в ответственных матчах.

— «Эйндховен» — не та команда, что позволит экспериментировать...

— Почему экспериментировать? Просто играть так, как я умею, во всяком случае, умел в минувшем сезоне...

Наверное, многие со мной согласятся, что футбол — это прежде всего настроение. Как и в других видах спорта, мы преодолеваем перед матчем предстартовую лихорадку, — сложное психофизическое состояние человека, внутренне настраивающегося на состязание, на противостояние соперника, к которому ты должен противопоставить собственное сопротивление, волю, умение преодолеть внутренний разлад между тем, что ты делаешь, и тем, что ты должен сделать. Именно настрой на матч с голландцами и был для меня (да для меня ли одного?) самым трудным делом. Проигрывая в мыслях всевозможные ситуации, что могли возникнуть на поле, я как бы играл за себя и за голландцев и словно воочию видел, как и где меня станут держать, как нужно реагировать на это и что предпринимать. А если этого будет не достаточно, что тогда? — неотступно преследовала меня мысль.

— Ребята, кофе, — прервал мои размышления голос администратора.

Мы выпили по чашечке горячего ароматного напитка и направились к автобусу. Каждый занял свое, принадлежащее лишь ему место в салоне, и машина понеслась по загородному шоссе. Скорость убавкивала.

Достаточно было беглого взгляда, чтобы убедиться в верности наших представлений о футболистах этой страны. Голландцы — как на подбор: рослые, крепкие, словно их под-

бирали по единой мерке, разве что чуть выше и мощнее других был главный бомбардир «Эйндховена» швед Ральф Эдстрем. Крепкий парень достался на долю Фоменко и Решко, подумал я, ведь именно им придется нейтрализовать форварда гостей.

Знакомое поле стадиона уже зазеленело, мягко пружинило под бутсами, словно успокаивало: не волнуйся, ведь ты дома, а дома, как известно, стены помогают. Меня слегка морозило, а ладони были влажные, скользкие... Быстрее бы!

Свисток, и мяч введен в игру. По тому, как ожили и тут же умолкли трибуны, я догадался, что наши болельщики тоже напряжены, тоже нервничают. Несколько касаний мяча, передача, прием, короткий проход, возврат мяча назад — четкая, привычная картина. Голландцы отвечают тем же, едва мяч попадает им в ноги. Мне кажется, гости спокойнее нас, хотя выступают на чужом поле. Присматриваюсь к своим визави, буквально впиваюсь взглядом, точно хочу проникнуть в их души. Нет, и впрямь голландцы спокойны, но это, конечно, не олимпийское спокойствие, а скорее уверенность в себе. Значит, уверены и в конечном результате?

Это уж слишком, еще не выиграли, а уже ведут себя, как победители! Не могу объяснить, почему именно этот вывод я сделал, но он меня раззадорил, скованность и вялость быстро улетучивались. Длинный проход с мячом едва не от ворот Рудакова — я старался начинать атаку из самой что ни на есть глубины, это хотя и требовало значительных усилий, давало козырь внезапности. Меня поддержал Онищенко, нас в том сезоне словно связывали какие-то нервные токи, заставлявшие действовать удивительно синхронно. Но заставить голландцев врасплох не удалось, и мяч запутался в ногах, а потом вовсе оказался во власти соперника.

Внезапный, острый, как выпад шпаги, в одно касание перевод мяча на нашу половину. Прессинг, столь полезный в матчах с «Бурсаспором», не срабатывает: просто сами голландцы тоже умеют и любят так играть. Гости явно обрадованы, что мы прессингуем, они оказываются в знакомой стихии.

Но к нам уже пришла зрелость. Нет пользы от прессинга, долой его! Пока вырисовывается новая концепция этого микро-матча, мы выстраиваем солидные оборонительные редуты. Нет, это и отдаленно не напоминает отказ от борьбы и переход к обороне, просто мы с ходу, не сговариваясь, применяем иной наигранный вариант. Чтобы пробиться к динамовским воротам, голландцам придется основательно попотеть и

направить на прорыв максимум сил. Неужто в их построениях все по-прежнему будет выглядеть так же надежно?

Конечно же, нет.

Беверен вынужден в броске ликвидировать опасность, исходившую от Володи Онищенко, спустя минуту уже Матвиенко заставляет голландского голкипера поволноваться.

Со стороны могло показаться, что мы легко и без особого сопротивления со стороны соперника проходим к воротам. Но на поле идет напряженная, ювелирная игра, когда все находится в непрерывном движении, ни на секунду не прекращая давления на соперника. Это слышится в прерывистом дыхании и в глухих выдохах, которые с силой «выбивают» из тебя игроки соперника, когда мы встречаемся в единоборстве.

В воздухе явственно запахло голом. Что-то подсказывает нам, что голландцы сдерживают натиск если не из последних сил, то, во всяком случае, с трудом. Значит, вперед, вперед!

По правому флангу вырывается Трошкин. Голландцы оттесняют его к лицевой линии, он послушно уходит почти к угловому флажку. Оттуда он плохо виден вратарю Беверену, потому что между ним и советским футболистом заслон из двух защитников. В штрафной — теснота, но голландцев больше, и это, по-видимому, успокаивает их. Трошкину остается либо прорываться самому поближе к воротам, либо отдать мяч кому-то из своих. Меня и Онищенко перекрыли, мы суеتمدимся, создаем толчею, но положение для удара не из лучших — голландские защитники знают дело отменно.

Все внимание по-прежнему приковано к Трошкину, и никто не заметил, как слева на курьерской скорости готовый протаранить защиту гостей несется Колотов. Я всегда восхищаюсь, когда сталкиваюсь с поражающим воображение чутьем на мяч, которым одарен Виктор Колотов, и эта его одаренность уже столько раз оказывалась решающей в равной борьбе. Виктор отрывается от земли и летит в воздухе навстречу мячу, посланному Трошкиным...

Гол окрыляет нас, мы долго не можем успокоиться. Привычно отходим поближе к воротам Рудакова, ожидая ответных действий «Эйндховена». Но голландцы словно бы и не заметили гола и по-прежнему уповают на высокий рост и мастерство Эдстрема. Навесы следуют на него с завидной синхронностью, и с такой же синхронностью Решко отбивает мячи.

Убедившись, что голландцы не предпринимают яростного

штурма наших ворот, мы все смелее и смелее идем в атаку. Кажется, самоуверенность голландцев сыграла-таки положительную роль — мы обозлились, обозлились на гостей за то, что они до сих пор не принимают нас всерьез. Мы окончательно обретаем власть на поле.

Защита уже без опаски уходит в атаку, нарушая и без того однообразные связи голландцев. Во время одного из рейдов Матвиенко сбивают с ног, и судья назначает штрафной. Под воротами Беверена пять или шесть киевлян, Мунтян подкручивает мяч мимо «стенки», и вратарь чудом дотягивается самыми кончиками пальцев до него, и белый шарик отскакивает в поле. Онищенко оказывается проворнее голландцев, и счет становится уже интересным — 2:0.

В перерыве мы шумно обсуждаем детали матча, что-то кричим, не слушая друг друга, и Лобановскому с трудом удается навести относительный порядок. Видно, тренеры опасаются нашего «высокомерного» настроения. Мы же от всей души радуемся, что можем, оказывается, играть с самими голландцами, творцами столь почитаемого нами тотального футбола. Как это у Пушкина: «И за учителей своих за здравый кубок поднимает...» Мы знаем, что впереди нас ждет борьба и победа не достанется легко. Ну и пусть! Мы готовы, больше того, мы всей душой жаждем борьбы, чтобы доказать, что не напрасны годы тренировок. Какому истинному спортсмену не знакомо это окрыляющее чувство!?

Наше оружие сегодня — атаки из глубины. У меня уже красные зайчики бегают перед глазами и ноги отказываются вновь и вновь набирать скорость. Я просто не узнаю себя: по всем подсчетам у меня должен наступить спад, тем более, что гола все нет, хотя уже целый час я не имею ни секунды покоя. Даже Рудаков кричит недовольно: «Да уберись ты от ворот! Иди, иди к Беверену, он ждет тебя!» Но я упрямо ищу начала в глубине нашей обороны. Пусть, пусть нет гола, но зато мои неожиданные появления то на правом, то на левом краях, то в центре заставляют защиту голландцев каждый раз терять секунду-другую, прежде чем принять решение. Подаю мяч ребятам, не огорчаюсь и не злюсь, если они его теряют. Не мешкая, несусь в тыл. Я готов таскать сегодня каштаны из огня для других, для моих единомышленников и товарищей. И они оценивают это по достоинству: я вижу, как поддерживают меня, стоит лишь овладеть мячом, как различают мой рывок за частоколом тел и ног.

Трошкин простреливает вдоль ворот. Беверен правильно выбрал место, но в последний момент его смутило мое

передвижение, и он нерешительно отступает от выбранной позиции.

Вот тут-то уже никто не мог меня опередить, и третий (подумать только, третий!) мяч влетает в сетку прославленных земляков Круиффа.

Мы снова не ушли в защиту, и не стали тянуть время и демонстрировать «рациональную игру», хотя 99 из 100 команд при таком счете стали бы больше печься о сохранности собственных ворот, чем стремиться в атаку.

А мы атаковали. Это было как песня, которую никто не хотел кончать, ибо она гремела в наших сердцах.

Потом тренер голландцев посетовал: «Мои игроки не выполнили установку — забить хотя бы один гол в ворота «Динамо». У вас хорошая команда, ни одного посредственного футболиста я в ней не увидел. Что думаю о повторном матче? Я оптимист...»

В Эйнховене нас ждали.

Это мы ощутили уже в первую минуту пребывания в Голландии. Пресса, специалисты, просто болельщики высказывали различные мнения, пытались предугадать конечный результат двухраундного поединка.

Поражение признанного европейского лидера сыграло свою роль.

Голландцы больше не демонстрировали олимпийского спокойствия, а с первых же секунд ринулись в атаку, стремясь подавить и обезоружить нас изощренными финтами, навалом, отличными техническими приемами. «Карусель» вращалась с такой бешеной скоростью, что порой трудно было даже разглядеть лица ее участников. Скорость стала союзником хозяев, и в иной момент чудилось, что это не десять полевых игроков «Эйнховена», а единый, многорукий и многоногий великан то скручивает в пружину нашу оборону, то растягивает так, что она каждую секунду грозит порваться.

Но голландцы опоздали: так им нужно было играть в Киеве, две недели тому назад, когда у них был шанс победить, воспользовавшись некоторой упрежденностью наших представлений об их действительной силе. Когда счет был 1:0 в пользу хозяев, и они заметно подустали, а мы, наоборот, стали контратаковать, и Буряк, вышедший на замену, — изящный, хрупкий, легкий, как пушинка, — углядел Веремеева, курсировавшего вдоль голландских ворот, и сделал ему знак, и тот понял его с полупамята: мяч словно бы об-

летел вокруг защитника, и Буряк поймал его, уже оставаясь один на один с вратарем, и в падении, головой забил редкий по красоте гол...

Под занавес голландцы стараниями все того же Эдстрема забили второй гол, но он уже равным счетом ничего не решал. Впервые за долгую историю «Динамо» пробилось в финал Кубка обладателей кубков европейских стран, чтобы наконец-то свершить завещанное нам поколениями футболистов, закладывавших фундамент этого успеха.

В невеселом настроении возвращались мы из Еревана.

Это был тот редкий случай, когда победа не радовала, а мысль лихорадочно искала и не могла найти логичного объяснения тому, что произошло на «Раздане». Даже сейчас, спустя много лет, я не берусь судить игроков «Арарата», а, тем более, даже подспудно не подозреваю их в злом умысле.

Оставались считанные дни перед финальным матчем в Базеле со знаменитым венгерским «Ференцварошем». Ожидание важного и значительного, что предстояло свершить нам, наполняло каждого надеждой, подъемом — душевным и физическим, ибо одна мысль, что мы можем впервые в истории советского футбола стать обладателями Кубка, заставляла чаще биться сердца. Мы даже тренировались с каким-то праздничным настроением. Ребята стали подтянутее, собраннее, красивее.

Календарный матч чемпионата СССР с ереванским «Араратом» был последним перед Базелем. В том, что играть выпало именно с ереванцами, мы усматривали перст судьбы, ибо с армянскими футболистами встречаться нам нравилось всегда, и матчи получались обычно добротные, мастерские — и самое важное — корректные. Хозяева — и это было нам доподлинно известно — не любили грубости, хотя и умели действовать жестко, прессингуя по всему полю; к середнякам их никак не отнесешь, а после того как они побывали в ранге чемпионов и обладателей Кубка СССР, их взоры упрямо устремлялись вновь и вновь к вершинам, однажды уже покорившимся им.

Словом, с «Араратом» мы собирались сыграть красиво, как и подобает финалистам европейского Кубка.

Все было прекрасно в Ереване — и теплая встреча, и отличное поле, и переполненные трибуны. И настроение у нас было добрым, хотелось выступить так, чтобы порадовать людей и порадоваться самим.

Наверное, желание победить именно киевское «Динамо» и именно накануне финального матча с «Ференцварошем» и превратило поединок в настоящую дуэль. Да и кому не льстило одержать верх над финалистом Кубка кубков, утвердив, с одной стороны, собственное преимущество, а с другой — за этот счет получить животворный моральный стимул, столь необходимый для поддержания доброго настроения на долгом пути чемпионата СССР.

Конечно, и мы выбежали на поле с желанием показать себя с наилучшей стороны. Позабывшись об укреплении обороны, мы думали продемонстрировать комбинационный, современный, наступательный футбол и, естественно, победить. Но у нас и в мыслях не было добывать два очка любыми средствами и силами.

Как говорят умудренные футбольные болельщики: поле ровное — мяч круглый. В этой сентенции, простой, как дважды два четыре, — мудрость спорта, свидетельствующая, что никакие благие намерения, никакие реальные факторы не являются определяющими до конца и никто не в состоянии уверенно сказать, как оно все произойдет.

— Конечно, выиграем или проиграем — особого значения для нас, вернее, для нашего матча в Базеле иметь не будет, — сказал Буряк, когда мы летели в Ереван. — Но я был бы очень огорчен, если бы матч не удался...

— Дело не в победе или поражении, в другом — мы сейчас испытываем радость, счастье, что ли... Как говорится, ложка дегтя в бочке меда... Сейчас она нам просто ни к чему... Сыграть бы в полную мощь, но красиво, победить, но не выложиться до конца — вот в чем заковыка.

— Играть-то мы будем с желанием, это я точно знаю, ребята как будто на парад готовятся. Лишь бы игра пошла! — В последних словах Леонида прорвалось затаенное.

— Пойдет, — сказал я с излишней долей оптимизма, но, право же, тогда оптимизм, вера в наше всемогущество были определяющими факторами в поведении «Динамо» как на поле, так и в повседневной жизни. Мы, сами того не зная, подошли вплотную к самому прекрасному в своей спортивной жизни — как бы коротко оно ни было...

Игра на «Раздане» действительно пошла: то был один из редких даже в футбольном марафоне матч, когда, не прилагая особых усилий, мы лидировали и в мастерстве владения мячом, и в точности пасов, и в легкости и непринужденности передвижений, наконец, даже в чутье — оно-то и позволяло нам оказываться в нужный момент там, где следовало быть.

Но нашла коса на камень...

Наверное, именно наша легкость, с которой мы выполняли привычные обязанности, и удачливость в действиях словно бы превратили их в глазах наших соперников в вызов, толкнувший их на поступки, едва не поставившие под вопрос исход матча в Базеле. Да, «Арарат», не любивший грубость, в считанные минуты превратился, так сказать, в команду-таран; и этот таран буквально разбрасывал нас по полю. Поначалу мы как-то, по-видимому в пылу схватки, в нервном напряжении борьбы, не чувствовали боли, а вернее, сбитые с ног, буквально терявшие сознание от боли, не обращали на нее внимания; но чем дальше, тем суровее это оборачивалось против нас. Ереванцы, словно замороженные нашей неуязвимостью, с упорством, достойным лучшего применения, укладывали и укладывали игроков на зеленый газон, и подниматься на ноги с каждым разом становилось труднее и труднее.

Мы, правда, выиграли, но какими потерями обернулся для нас этот выигрыш: Онищенко, Мунтян и я едва добрались до автобуса.

Я уже говорил о подобных случаях грубой игры. И специально остановился так подробно и на этом эпизоде, потому что — вольно или невольно — наш футбол многое теряет от недостатка мастерства, которое нередко пытаются компенсировать силой и грубостью; и — сколько можно было бы привести примеров тому! — ничего не значащие матчи порой обходятся очень дорого для тех, на кого возлагаются надежды не только в клубах, но и в сборной. Желание сказать потом в среде не слишком разборчивых поклонников: «Да я так прикрыл Блохина (сюда можно было бы подставить десятки фамилий известных игроков), что он и шагу ступить не мог свободно!» — сплошь и рядом приводят к потерям, болезненно отражающимся на отечественном футболе.

К мастерам нужно относиться с почтением — оно должно выражаться не в желании переиграть их любыми средствами, а в стремлении учиться лучшему, что есть в их мастерстве.

Когда мы поздно ночью прилетели в Киев, меня отвезли прямо на хирургический стол — пять швов на одной ноге, скажем прямо, было слишком много, чтобы мечтать о выступлении в Базеле.

Между тем, мы продолжали готовиться к матчу с «Ференцварошем». Наш пресс-атташе собрал солидное досье на

венгерскую команду. Выглядела она довольно внушительно даже при первом знакомстве.

Команда выступала в чемпионате Венгрии с 1901 года, 21 раз становилась чемпионом, одиннадцать раз побеждала в борьбе за Кубок страны и, что на мой взгляд самое важное, — ни разу не опускалась ниже седьмого места в турнирной таблице первенства республики. Правда, в ней уже не играли Ф. Альберт и С. Матраи — звезды недавних лет. Однако коллектив был, что называется, дружный и стабильный, о чем свидетельствовали победы на пути в финал над валлийской командой «Кардифф-Сити», английским «Ливерпулем», шведским «Мальме» и югославской «Црвеной звездой». «Фради» — как любовно называли команду венгерские болельщики — до начала очередного розыгрыша Кубка кубков не считалась фаворитом (как, впрочем, и киевское «Динамо»), но это обстоятельство скорее сыграло на руку нашим соперникам, так как им довелось выступать не ощущая психологического «пресса», испытываемого обычно лидерами.

Вернулся из Будапешта В. В. Лобановский — он смотрел игру «Ференцвароша» в очередном матче первенства страны — и подтвердил давно вызревавшую мысль: противник трудный, его не смутить массированными атаками и острыми контратаками, не теряет присутствия духа даже проигрывая и сражается до конца. Мы еще и еще раз смотрели видеозапись матча венгров с югославами в полуфинале Кубка: мощные, отлично сбалансированные атаки и столь же надежная оборона, жесткость, однако, не переходила границ дозволенного.

— Как по мне, — сказал Буряк, когда мы вышли из нашего кинозала и не спеша направились на луг, — то уж лучше бы иметь в финале команду позаковыристее, поименитее, что ли...

— Ты еще не выиграл, а уже измеряешь славу... — пошутил я.

— Не о том речь. «Ференцварош» — без недостатков, без видимых сильных мест, но зато и без слабых, ровная, «круглая» команда. С какой стороны подойти — ума не приложу.

— Играть нужно свою игру, тогда будет все ясно, — сказал я, а сам подумал: «Вот я уже — вольно или невольно — рассуждаю, как сторонний наблюдатель, как человек, которому доведется матч увидеть не изнутри, а со скамейки для запасников!»

— Легко сказать — играй: помимо вас троих, Веремеев тоже не у дел.

— Подожди нас списывать!

— Да чего там! Ты ведь не идешь, а шкандыбаешь, а до матча остались считанные дни.

— Не береги душу...

Больше мы не сказали друг другу ни слова, но я знал, что Леня переживает за меня, потому что человек он добрый и привязчивый и мы с ним уже, как говорится, не один пуд футбольной соли съели. А мои дела и впрямь не радовали: на последней перевязке врач и думать запретил об игре. «Послушайте, — сказал он, — я понимаю ваше состояние. Но это не тот случай, когда нужно рисковать. Вы ведь не на фронте, и потом — сколько еще будет футболов в вашей жизни!..»

Мы прилетели в Базель в воскресенье, ровно за три дня до финального матча. В аэропорту набилось много народу — журналисты, футбольные функционеры, болельщики. Чувствовалось, что предстоящий матч вызывает живой интерес у швейцарцев: нас беспрестанно снимали — вот мы сходим по трапу самолета Ту-134, вот мы в здании аэропорта проходим таможенную и иммиграционную контроль, вот садимся в автобус, вот входим в вестибюль гостиницы «Интернациональ». Здесь нас тоже встречали журналисты. Все улыбались, что-то говорили, некоторые показывали поднятые вверх два пальца, что означало пожелание нам победы.

Ребята как-то подтягиваются, отходят душой, отвечают улыбками. В аэропорту узнали, что венгры уже прибыли и поселились в другом отеле. «Вы должны думать друг о друге постоянно, но не мозолить друг другу глаза, — объяснили организаторы. — У вас будет достаточно времени, чтобы наглядеться!» Что ж, с точки зрения психологической подготовки к матчу, лучшего и не придумаешь.

Как всегда, мы с Леной селимся вместе. У нас с ним никогда не бывает конфликтов. Войдя в чистенький, уютный номер, мы долго галантничаем. На этот раз Буряк особенно настойчив, расписывая прелести здорового сна у распахнутого настежь окна, куда вливаются потоки весеннего воздуха, настоянные на запахах цветущих деревьев. Я понимаю Леню: он старается, потому что видит на моем лице озабоченность, которая отражает внутреннее состояние — я до сих пор не знаю, смогу ли выйти на поле. Нога по-прежнему болит, затекает, и я стараюсь не смотреть на нее, не думать о ней, как бы отодвигая решение, которое нужно будет непременно принять в ближайшее время.

— Я где-то читал, что местный стадион «Сент-Якоб» для венгров счастливый,— говорит Буряк, раскладывая в шкафу вещи.— В пятьдесят четвертом они выиграли здесь матч чемпионата мира у западных немцев со счетом 8 : 3.

— Но умудрились проиграть этим же самым немцам в финале...

— Финал был в Берне,— вздохнув, подводит итог Буряк.

Сколько раз мне приходилось вот так же устраиваться в гостинице на чужой земле и думать о предстоящем, но никогда еще эти мысли не были так мрачны. Мне вообще не свойственен пессимизм, но перспектива отсидеть финальный матч на скамье для запасных и не иметь возможности помочь ребятам в общем деле, ради которого мы отдали столько сил и нервов,— такое кого хочешь выведет из себя.

Буряк спустился в холл, к ребятам, а я остался в номере. Едва за ним захлопнулась дверь, я залег в кровать. Достал книгу. Не читалось.

Я думал о том, что предстоит сделать здесь «Динамо». Мысленно перебирал в памяти то, что знал о парнях, с кем уже столько испытано и сделано. Я, да еще Буряк, были самыми молодыми в команде не только по возрасту, но и по опыту. Большинство пришло в основной состав «Динамо» еще при Маслове, знало Севидова. Научились понимать друг друга с полуслова и даже вскользь брошенного взгляда. Мы отнюдь не были ангелами и спорили иной раз в раздевалке после игры по разным вопросам, но на поле могли рассчитывать друг на друга всегда и во всем. Мы были честны друг перед другом и не терпели недоговорок, и никого нельзя было обвинить в том, что он позволил себе волыннить в игре; если и случалось кому сыграть так, что становилось стыдно, то лишь в силу тех или иных объективных причин.

Случается, идешь на матч с каким-то внутренним подъемом, желанием, и зрители тебя поддерживают, и ты сам чувствуешь в себе силу, а мяч, как заколдованный, летит не в ту сторону, и трибуны начинают тебя освистывать — ты просто-таки звереешь от этой несправедливости, и потому дела идут еще хуже...

— Пересчитали бы, что ли, тренеры наши биоритмы да выпускали на поле лишь в те дни, когда нет никаких критических циклов,— сказал однажды в душевой, выстояв там едва ли не весь второй тайм после того, как Лобановский сменил его за плохую игру, Леонид Буряк.

— Это только для шоферов опасно! — сказал кто-то.

— Ну да — для шоферов! — взорвался Буряк.— А то, что мы своей отвратной игрой травмируем тысячи людей, это не опасно?

— Ладно, Леня, успокойся... Играть нужно! — как всегда, веско сказал Рудаков.

С ним Буряк спорить не посмел...

Вообще Рудаков пользовался у ребят большим авторитетом, к его мнению прислушивалось большинство. И даже не обижались тогда, когда в игре он, не выбирая слов, иной раз такое скажет в твой адрес, что как током пронзит. Не сердились потому, что Женя не держал зла и не пытался разговаривать свысока даже с зеленым юнцом, впервые появившимся в команде (хотя по опыту, да и по возрасту, скажем прямо, мог бы себе такое позволить). У него у самого случались нелепые провалы, после которых другим досталось бы, а Рудакову прощали, ибо знали, что это — чистейшая случайность, эдакое стечение обстоятельств или результат плохого самочувствия (а ведь нам приходилось играть по два-три матча в неделю — и не всегда мы выходили на поле в хорошем физическом и психологическом состоянии, это нужно учитывать!). Была в Рудакове какая-то солидность, весомость в словах, а особой разговорчивостью наш вратарь никогда не отличался, и это придавало его советам и замечаниям неординарный характер.

Я думал о том, что в среду, когда «Динамо» выйдет на на поле «Сент-Якоб», многое будет зависеть от Рудакова, особенно в начале игры. В самолете, когда мы летели в Базель, Женя как бы между прочим сказал: «Такая игра бывает, может быть, раз в жизни... Тут уж ты должен быть таким, каким есть в действительности, тут не схитришь, не словчишь,— выверни себя наизнанку, чтобы все увидели — какова у тебя душа...»

Конечно, на поле будет одиннадцать, но в воротах будет стоять один, и ему труднее других, потому что он самый ответственный в решающий миг...

Я почти не сомневался, что Володя Онищенко, как и я, остался сидеть в номере. Он мне импонировал серьезностью, граничащей с замкнутостью. Нет, назвать его нелюдимым никак нельзя, но просто Володя не любил пустых слов: он предпочитал уединиться где-нибудь с книгой. В Киеве, когда мы жили на базе, у него была еще одна страсть — любил он подолгу разговаривать по телефону с домом, с женой. К футболу Володя относился с любовью, я бы сказал, с огромной честностью, которая проявлялась в полной самоотдаче как

на тренировках, так и в играх. Судя по всему, его травма уже подживала, и Володя не сомневался, что выйдет на поле и здесь, в Базеле. «Я ведь никогда еще не играл в финале Кубка кубков», — просто сказал он. Но в этом был весь Онищенко — футболист, познавший в своей спортивной карьере и взлеты, и падения, но сохранивший первозданную страсть к игре, каждый раз испытывая себя так, будто впервые довелось выйти на поле. Володя был из невезучих — его постоянно преследовали травмы, хотя, если копнуть глубже, то ему доставалось на поле именно из-за этой страсти, которая в игре придавала ему сил и ставила в тупик, раздражала, гневала соперника, и тот не всегда мог справиться с ним дозволенными методами...

Вечерело, в открытое окно вливался свежий воздух. Негромко шелестели шины проезжающих автомобилей.

Где-то там, за Альпами, на Днестре, думают о нас, строят планы на будущее. Мне припомнилось, как тепло провожали в аэропорту, как напутствовали, суеверно боясь произнести слово «победа». Когда отправляешься за рубеж Родины, по особому начинаешь ощущать ответственность за порученное тебе дело.

«Сент-Якоб» — типичный футбольный западноевропейский стадион. Жесткое поле, трибуны, подступающие к самой кромке поля.

Первую тренировку, как, впрочем, и вторую, я пропустил. Единственное, что позволил себе, так это прогуляться по зеленому ковру. Впечатление было не ахти какое — разве сравнишь с нашим Республиканским стадионом, где, кажется, даже кочки выглядят мягче. Ребята разминались, бегали, прыгали, постучали по воротам Рудакова. Мне показалось, что, пожалуй, делали они это несколько азартнее и шумнее, чем нужно, но в этом проявлялись напряженность и тягостное ожидание предстоящих игровых минут. Потом, много позже, когда дело было сделано, и Кубок уже был у нас, я читал отчеты о финале и в душе улыбался. «Не скрою, что я ожидал встретить в отеле «Интернациональ» несколько взвинченную, напряженную атмосферу, но был приятно удивлен: уж очень она казалась спокойной, рассудительной, деловитой, — писал специальный корреспондент «Футбола—хоккея», прекрасный и тонкий знаток футбола, Геннадий Радчук. — Не видно было и следов обычной скованности, характерной для периода подготовки и к куда менее важным матчам...»

Уж я-то знаю, что никогда мы так не волновались, никогда так не переживали, как в те считанные часы нашего пребывания в Базеле, предшествовавшие началу. Мы просто земли под ногами не чуяли! Но не от предвкушения будущей победы, которая могла показаться кое-кому легкой и бескровной, а от сверхнапряжения, от внутренней безостановочной работы мысли, которая — в какой уж раз! — проигрывала все, что еще только должно было случиться. И то, что наше состояние было известно лишь нам самим и тренерам, было следствием многих лет тренировки и воспитания воли, ибо какими же мы были бы спортсменами, если бы наши чувства и сомнения легко проявлялись в словах, жестах, взглядах, поступках!

Наверное, не только я, но и многие ребята ночь перед матчем спали плохо, хотя врач всеми средствами и способами старался снять напряжение. Нужно отдать должное тренерам — они отнюдь не пребывали в спокойствии, но и не выплескивали наружу излишней нервозности. Теперь, спустя несколько лет, это объясняется просто: то был период жизни киевского «Динамо», когда многолетние тренировки, поражения и победы, опыт, накопленный на своих и чужих полях, отлились звенящим мастерством; это была команда, где не было звезд, но которая, по мнению многих, сама была яркой футбольной звездой. И не грусть по ушедшим временам заставляет меня говорить так, а оптимизм будущего, оптимизм грядущих новых взлетов команды, которая, меняя состав игроков, остается все тем же клубом крепких традиций, заложенных еще в предвоенные годы поколениями киевских футболистов...

Утром меня разбудил Буряк. Он был в тренировочном костюме, весь какой-то сияющий, праздничный, с задорным блеском в глазах.

Я живо вспомнил, как мы долго, мешая друг другу заснуть, взвешивали все «за» и «против» моего участия в сегодняшнем матче и как, уже сморенный бесконечными разговорами, я окончательно решил — буду играть, чего бы это мне ни стоило.

Сняли бинты, несколько неприятных мгновений — и швы были извлечены. Врач сделал специальную повязку, я попрыгал на ноге и убедился, что прежней боли нет, что страх, мешавший мне наступать на ногу с полной силой, исчез, и в душе рождается подъем — тот самый сладкий, самый ценный огонь, что согревает наши сердца и без которого спорт потерял бы едва ли не всю свою прелесть.

В 20 часов по московскому времени мы выбежали на поле «Сент-Якоб». В воротах Евгений Рудаков, пятикратный чемпион СССР, вратарь сборной страны. Ему было уже 33, он был ветеран. Защиту составляли: 27-летний Владимир Трошкин, обладатель двух золотых медалей первенства страны; 26-летний Михаил Фоменко, он появился в «Динамо» в 1972 году и сразу обрел место в основном составе; чемпион СССР 1974 года, однократник Трошкина — Стефан Решко, он пришел к нам за четыре года до описываемых событий; 27-летний Виктор Матвиенко уже тоже дважды был чемпионом страны. «Динамо» всегда славилось своей полузащитой. И на сей раз здесь были собраны ударные силы — игроки, одинаково хорошо умеющие атаковать и организовывать атаки, да еще, если необходимо, прекрасно справляющиеся с задачами защитников. Это 29-летний Владимир Мунтян, за его плечами — двенадцать лет выступлений за «Динамо», как и Рудаков, он имел самый большой среди нас «золотой запас» — пять чемпионских медалей; 24-летний Анатолий Коньков, что называется, попал с корабля на бал — он появился в том сезоне, но так точно, так естественно вписался в слаженный коллектив, что в такое трудно было бы поверить, не случись это в действительности; 22-летний Леонид Буряк выступал за команду четвертый сезон и, как и я, имел на своем счету золотую медаль чемпиона СССР 1974 года; 26-летний капитан «Динамо» Виктор Колотов в команде с 1971 года, и его авторитет был незыблем. В нападении двое — 26-летний Владимир Онищенко, игравший в «Динамо» еще в 1969 году, но потом несколько лет выступавший за другой коллектив и лишь в минувшем году вернувшийся в родные пенаты, и я, мне исполнилось 22.

Венгры выставили такой состав: вратарь Иштван Геци (31 год), Гезе Мартош (26 лет), Ференц Патоки (28 лет), Иштван Медьеши (26 лет), Иштван Юхас (26 лет), Тибор Роб (20 лет), Ференц Сабо (19 лет), Тибор Нилаши (20 лет), его заменил на 60-й минуте двадцатилетний Тибор Онхауз, Янош Матэ (27 лет), Йожеф Муха (24 года), Иштван Мадьяр (20 лет). Венгерские тренеры в интервью, которое они дали накануне матча, сетовали, что не смогут принять участие в игре два ведущих футболиста «Ференцвароша»: Лаци Браникович и Лаци Балинт — первый был травмирован, второй, как и наш Владимир Веремеев, удален с поля в полуфинале и, таким образом, лишился возможности выступить в финале.

Стадион переполнен. Появление венгров встретили громкими криками туристы, прибывшие на матч.

Я мельком оглядел своих ребят — напряженные, как бы окаменевшие лица. Да что там, волнение сказывается. У меня страшно разболелась голова, подташнивало, а ноги были ватные. Как сквозь туман, где-то мельтишили человеческие лица на трибунах, глухо доносились чьи-то крики. Я, кажется, даже не услышал свистка судьи и понял, что игра началась, лишь по тому, что вдруг задвигались, забегали мои товарищи. Нужно было что-то делать, а у меня ноги из ватных превратились в свинцовые, боль, казалось, пронизывала теперь не только травмированную правую, но и левую ногу, и, скорее всего, со стороны я выглядел инвалидом, решившимся сойти с коляски наземь и двинуться самостоятельно.

Я старался взять себя в руки, но подспудная мысль, что вот-вот лопнут швы и кровь зальет бутсу, чуть ли не парализовала меня. И если я все же что-то делал на поле, а не стоял, как вкопанный, то это были чисто механические действия, привычка или тренированность — почти автоматическое выполнение приемов.

Наверное, никто не чувствовал в те первые минуты себя уверенным или ловким, но сила команды в том и состояла, что все вместе мы, подстраховывая и помогая друг другу, уже играли, с каждой новой минутой обретая если не уверенность, то освобождаясь от скованности — а ведь наши соперники тоже были не в лучшем состоянии! — создавали острые моменты у ворот «Ференцвароша».

Но это еще не назовешь игрой в полном значении слова. Нужен был толчок, взрыв, который бы мгновенно разметал скованность и придал бы нам уверенность в собственных силах.

Венгры, кажется, быстрее обрели необходимое спокойствие и стали приближаться к динамовским воротам, и мы, как обычно в таких случаях, отходили назад, создавая дополнительные трудности для форвардов «Ференцвароша». Пожалуй, на этих первых минутах более иных доставлял нам неприятности полузащитник Ференц Сабо, чем-то напоминавший своей манерой неожиданно появляться у тебя в тылу прекрасного динамовца Йожефа Сабо. Верткий, быстрый, один из самых молодых в команде; он просто-таки рвался в бой, и случился вскоре момент, когда Муха отличным пасом вывел его на удар. У меня просто-таки сердце обмерло (в начале матча, когда все еще только устанавливается, особенно опасно получить гол в ворота!), но Анатолий Коньков в падении в последний миг прервал атаку...

Конечно, трудно назвать минуту, когда на поле случился перелом, но если начать, как говорят космонавты, «отсчет времени», то, думаю, вот эта атака Сабо и стала началом. Еще ничего не изменилось на поле, еще излишняя прямолинейность наших действий не позволяла «Динамо» развернуться во всю ширь поля. Но соперник почувствовал уже, как будет играть «Динамо»: едва забрав мяч у Сабо, Коньков — вот что значит высокое мастерство! — не стал мешкать, выжидать, раскатывая мяч под воротами, а сразу рванулся вперед, заметив, как на мгновение раньше уже устремились на половину поля «Ференцвароша» Трошкин и Буряк. Еще не было той легкости и одухотворенности, что пришла к нам несколько позже, но Трошкин, получив мяч, отличным финтом влево-вправо сбил с толку персонального опекуна и навесил мяч на Буряка, который успел-таки улизнуть от венгерской защиты. Я всегда поражался редкому умению Леонида Буряка проскальзывать сквозь почти невидимую щель, стоит лишь ей появиться в защите соперника, причем выскивал он эту самую щель постоянно, но делал это так тонко и незаметно, что защитники команды-соперника почти никогда не могли раскусить его намерения. И в этой игровой ситуации чуть-чуть не хватило Лене для точного удара, а возможно, помешало просто высокое умение венгерского вратаря — тот буквально самыми кончиками пальцев коснулся мяча. Геци больше, чем нужно, подержал мяч, пытаясь таким образом дать хотя бы некоторую передышку товарищам. Иштван Геци — не только самый старый игрок венгерского клуба, но и самый опытный, а на поле в Базеле он был еще и капитаном, и на нем лежала особая ответственность. Забегая наперед, скажу: именно Геци оказался самым надежным игроком «Ференцвароша» во все девяносто минут матча, потому что сумел сохранить выдержку и спокойствие в нелегких ситуациях, то словом, то делом придавая новые и новые силы своим...

Наконец Геци словно бы нехотя отдал мяч. Угловой. Обе команды на венгерской половине, здесь тесно, но без привычной суеты. Бьет Буряк, отскок — и затем Трошкин. Гола нет, но этот штурм не минул для наших соперников бесследно — они начали нервничать.

Я по-прежнему чувствую себя скорее сторонним наблюдателем, чем игроком в полном смысле слова. Нет, я бегаю, много работаю без мяча, нервирую тех, кому приходится оказаться рядышком, — венгерские защитники, впрочем, пока милостивы к моим ногам (или это мне просто так кажется),

иногда кто-то из ребят, проносясь мимо, успевает крикнуть: «Порядок, Олег!» Не знаю, что они имеют в виду — или то, что мы вообще держимся на уровне, или довольны моим поведением. Разбираться в тонкостях нет ни времени, ни желания, да и, чувствуя себя по-прежнему не в своей тарелке, действую скорее механически, чем осознанно, и это раздражает, мешает сосредоточиться.

Даже гол, который забил с моей подачи Володя Онищенко, не принес мне облегчения.

А было это так.

После затяжного штурма и четырех ударов по воротам Геци в течение минуты венгры перехватили инициативу, и уже у Рудакова наступили тревожные моменты. Но в тот день Евгений Рудаков был само спокойствие и уверенность. Забегая наперед, скажу — именно наш голкипер первым заиграл в привычной манере — четко, ловко, как бы давая нам понять, что матч необычный, особо ответственный, и потому каждый должен сегодня сделать все, на что способен, и даже больше.

Женя действительно с таким олимпийским спокойствием забрал мяч, что венгры даже как-то сникли, пораженные действиями вратаря. Какое-то время игра разворачивается в середине поля, футболисты демонстрируют умение обращаться с мячом, и со стороны может показаться, что матч перешел в запоздалую разведку, когда ни одна из сторон не спешит сама раскрывать карты, но пытается заставить это сделать соперника.

Не помню уже, кто дал мне мяч, но только, получив его, я устремился вперед, не упуская в то же самое время из виду товарищей.

Признаюсь, даже создайся тогда голевая ситуация, скорее всего я не пробил бы так, как нужно, потому что одна мысль сверлила мне мозг — кому бы отдать мяч. Я не чувствовал в себе ни малейшей уверенности. Я все еще боялся идти на сближение с игроками «Ференцвароша». Нет, в моих действиях меньше всего было от трусости или боязни боли, которая напоминала о себе беспрестанно, — если я и боялся чего, так это досрочного ухода с поля. Подобная перспектива рисовалась мне настоящей трагедией, потому что никогда прежде так не хотелось мне играть!

Я был благодарен Володе Онищенко, что он понял мое состояние, каким-то шестым чувством проник в мои мысли и оказался там, где мне хотелось его видеть. Я постарался

вложить в этот удар все, что умел, — мяч по крутой траектории перелетел над головами соперников, и Володя не дал вратарю шанса на спасение.

Трибуны уже полностью были на динамовской стороне, и тридцать тысяч зрителей отзывались дружными аплодисментами на всякий удачный финт.

В команде соперника выделялся Йозеф Муха. Он был вездесущ — появляется то у наших ворот, то, глядишь, уже действует в своей штрафной, отбирая мяч и начиная атаку из глубины, удары его неожиданны. Именно он вывел на удар Нилаши, перед этим заставив ошибиться Фоменко. Правда, Нилаши не сумел воспользоваться точным пасом, но тут уж вина не Мухи...

Конечно же, мы понимали, как нужен в этой ситуации второй гол.

Нервничали наши наставники. Я не раз, оказавшись вблизи тренерской скамьи, слышал, как тревожно кричал Валерий Васильевич, требуя внимания к каждому шагу соперника. Но защита играла безукоризненно, более того, Матвиенко не раз внезапно появлялся там, где его никто не ждал, заставлял волноваться «Ференцварош».

Пусть Решко и Фоменко, выполняя указания тренеров, не покидали практически штрафной площадки, но мы постоянно чувствовали их присутствие: они забирали мяч у игроков команды соперника и не мешкая посылали его в атаку, как бы подхлестывая нас этими мгновенными передачами.

Новая голевая ситуация возникла тогда, когда ее меньше всего ждали. Шла обычная позиционная борьба, подступы к воротам Геци были надежно перекрыты, и наши отчаянные попытки (отчаянные потому, что мы чувствовали, как уходит время, а вместе с ним и шанс закончить первый тайм с надежным запасом в два мяча) не приносят успеха. Венгры, кажется, тоже обретали спокойствие, в действиях их не заметно нервозности, и я вижу, как накапливаются силы для быстрой контратаки. Невольно отступаю назад, чтобы — в случае чего — успеть убежать к воротам Рудакова (кстати, сам он тоже почувствовал изменяющуюся ситуацию и стал держаться собственной штрафной). Трибуны гудят, требуя гола, и это требование не остается безответным.

Мяч, в очередной раз взлетев в воздух, по касательной спикировал на кого-то из венгерских защитников, изменил направление и улетел вправо, туда, где за пределами штрафной курсировал Володя Онищенко. До ворот было далеко, и, наверное, в иной ситуации Володя постарался бы или

проскользнуть сквозь защитные ряды и подобраться поближе к воротам Геци, или, на худой конец, перепасовал бы кому-нибудь из товарищей. Но в тот день Онищенко был весь — порыв, риск, отчаянная смелость; не раздумывая, он с левой ноги издали ударил. Геци понял, что он пробьет, понял это раньше, чем Володя ударил, и это открытие застало его врасплох, и он запоздал с прыжком на какие-то доли секунды. Впрочем, наверное, даже выпрыгни Геци вовремя, ему вряд ли удалось бы парировать мяч — он летел в «девятку», место в воротах, куда редко достают руки вратарей...

Помню, что мы даже как-то сдержанно, во всяком случае, сдержанней обычного, отреагировали на гол, хотя он теперь реально открывал нам путь к полному успеху, и Кубок кубков приблизился к нам, как никогда, вплотную. В той сдержанности тоже было проявление нашей силы...

Когда мы оказались в раздевалке и растревоженные тренеры не знали, что сказать, когда мы еще кипели, переживая перипетии матча, и не могли произнести членораздельного слова и из глоток вырывались лишь отдельные, бессвязные звуки, давая выход внутреннему напряжению, я вскочил на ноги, пружинисто присел раз-другой. По-видимому, мое поведение не осталось незамеченным — Лобановский тревожно повернулся ко мне, прервав на полуслове речь, обращенную к кому-то из защитников, и быстро спросил:

— Как твои дела? Ну, с ногой, с ногой?

— Лучше быть не может! — отвечал я. И в тех словах не было ни тени преувеличения.

— Хорошо... Только не лезь в гущу... Там — ты видел — бьют... — сказал Лобановский, и, сам уловив ненужность этих слов, отвернулся.

Десять минут пролетели как в тумане: тренеры что-то говорили, напутствовали, что-то спрашивали, и ребята им отвечали, спрашивали в свою очередь о чем-то, кажется, и меня, но все это не оставило никакого следа, растворилось, исчезло, только раздался звонок, приглашавший на второй тайм. Мы хотели играть. И г р а т ь !

Конечно же, венгры бросились в атаку, но мы ждали штурма, и защита делала свое дело мастерски, без лишней суетливости, а тем более жестокости, забирая мяч. Полузащита жила двойной жизнью, выполняя функции защиты и нападения, но что более всего доставляло неприятности

нашим соперникам, так это диспетчерская работа Мунтяна, Колотова, Конькова.

Я ушел вперед и много сил отдал, играя без мяча, заставляя нервничать «зеленые футболки» — два, а то и три игрока перекрывали мне путь к воротам. Это, конечно же, ослабляло их собственные наступательные действия, а тут еще Буряк и Онищенко, постоянно меняясь местами, играли то вдвоем, то мы действовали втроем, заставляя соперников ужесточать ответные действия против нас. Но что было самым любопытным, самым неожиданным в этом матче — это почти забытый голос судейской сирены: все действия и той, и другой стороны были на столь высоком техническом уровне, что не входили в конфликт с законами игры.

Мне удалось несколько раз приложиться к мячу, и я ощущал, как получался удар (это волнующее чувство даже для футболиста, который много времени провел в официальных матчах!) — казалось, я видел, куда полетит мяч; и пусть гола пока не было, я знал, что он будет. Это заставляло искать, выдумывать, совершать какие-то невероятные финты.

Пожалуй, лишь один раз я был разочарован. Мы с Володей Онищенко в одно касание разыграли композицию, мяч ушел к Буряку, у него неплохая позиция, но Леня в последний миг решил, что у меня шансов больше (а возможно, он просто старался дать и мне шанс в этом матче!), и отпасовал мяч. Я готов был пробить прицельно, но Геци с такой отчаянной отвагой кинулся в ноги, что я промедлил и упустил момент.

Какие-то минуты мы играли в спокойной позиционной манере, и со стороны могло показаться, что мы придерживаем мяч, тянем время. Но нет — это были лишь маневры перед наступлением, как бы последняя сверка настроенности на победу. Вскоре начался столь стремительный штурм, что венгры буквально оказались прижатыми к воротам. Коньков, Онищенко, Колотов, я, снова Онищенко бьем по воротам Геци. Мяч летит рядом со штангой — или чуть выше, или Геци изменяет направление его полета.

Когда мяч в очередной раз достался мне, я рванулся напрямую, к воротам Геци, хотя никто из ребят не мог поддержать меня в тот миг. Но это не было отчаяние обреченного, наоборот, я увидел, как открывается для меня оперативный простор. Да что там увидел, почувствовал всем своим естеством, что мне нужно идти вперед. Наверное, никогда в моей спортивной жизни я не чувствовал такого подъема —

мяч казался мне частичкой меня самого: я обошел защитника, обыграл вратаря и... пробил. 3:0!

Если бы можно было еще раз пережить этот прекрасный миг!

Мы еще играли, еще нападали, еще демонстрировали свое индивидуальное мастерство и не складывали оружия, но дело было сделано — это было ясно и нам, и венграм.

Когда Виктор Колотов получил из рук президента УЕФА Артемио Франки серебряный Кубок, радость переполняла сердца и мы готовы были обнять целый мир, поделиться своим счастьем. Ради этих мгновений стоило трудиться до седьмого пота, отказывать себе в обыкновенных человеческих радостях, забывать о свиданиях, терпеть жесточайшие душевные поражения, но находить в себе силы подниматься и снова устремляться к вершине.

Еще снился нам по ночам «Сент-Якоб», еще продолжали идти в команду письма и телеграммы от наших почитателей, как и мы, еще не остывших от воодушевляющего подъема, родившегося в те славные девяносто минут, что предшествовали вручению нам серебряной чаши Кубка кубков, а обстоятельства диктовали необходимость как можно быстрее избавиться от этого расслабляющего состояния праздничности. Хотели мы того или нет, но футбольная фортуна, столь милостивая к динамовцам на различные испытания в том прекрасном году, уже выдвинула на первый план очередную высоту, брать которую снова доводилось «Динамо». Но уже совершенно в другом качестве — как сборной команде СССР. Ирландцы, нанешие ей осенью минувшего года просто-таки сокрушительное поражение со счетом 3:0, жаждали закрепить успех, что принесло бы им уверенное лидерство в подгруппе чемпионата Европы. Нам предстояло не столько взять реванш за поражение, сколько использовать единственный шанс выстоять в борьбе за участие в финале.

Что и говорить, задача не из простых. Правда, наши болельщики не сомневались, что мы — все можем, что все нам под силу; они были уверены в победе и готовились наслаждаться игрой, что само по себе было уже высочайшим требованием к футболистам, еще не уставшим от поздравлений и славословий, еще пребывавших там, в заоблачной выси успеха.

Я специально остановился на этом обстоятельстве, ибо оно характерно для футбола и накладывает особые нагрузки на

футболистов. В любом другом виде спорта победа в Кубке кубков воспринималась бы конечным результатом усилий, но никак уж не проходным событием, за которым немедленно последуют другие, не менее ответственные и значительные.

Ирландцы... Стоило мне вспомнить матч в Дублине, как портилось настроение. Не хочу сказать ничего плохого в адрес тренеров сборной, готовивших нас к игре, но не могу избавиться от мысли, что они, на мой взгляд, как-то легко-весно, излишне самоуверенно в конечном результате подошли к первой встрече. Встретив упорное, цепкое сопротивление нашим действиям по всему полю, чередовавшееся с неистовостью острейших контратак на ворота Пильгуя, мы не то чтобы сникли, но как-то утратили внутренние связи и больше старались действовать в одиночку. Ирландцы же, напротив, быстро уловив податливую «мягкость» гостей, овладели инициативой.

Наверное, воспоминания о той встрече согревали сердца ирландцев, когда они прилетели в Киев. Во всяком случае, как рассказывали очевидцы, по дороге из Борисполя они веселились и смеялись, пели под гитару, всем своим поведением указывая на то, что не сомневаются в конечном результате матча.

Спустя четыре дня после финального поединка в Базеле мы вышли на поле Республиканского стадиона. Мы — это Рудаков, Трошкин, Коньков, Фоменко, Матвиенко, Мунтян, Веремеев, Колотов, Буряк, Онищенко, я.

Ирландцы играли жестко, мало заботясь о целостности собственных и наших ног, и пройти их защиту было делом нелегким. Но даже оказавшись в штрафной, ты ни на йоту не приближался к цели, потому что со всех сторон тебя поджидали подкаты или плохо прикрытые удары по ногам. Наверное, на мой счет тренер ирландцев кое-что сказал специально, потому что опека была плотной, и мне доводилось искать начало атаки так далеко от штрафной, что со стороны можно было заподозрить меня в нежелании рисковать. В действительности же дело выглядело иначе: я понял, что действовать на высоких скоростях, на опережение, никак не удастся, необходимы изобретательность, неожиданные маневры.

В том году мне очень хорошо игралось с Веремеевым. Мы понимали друг друга без лишних слов, и я всегда знал, что самое неожиданное мое перемещение не останется незамеченным Володей. Веремеев всегда отличался тонким пониманием игры и высоким мастерством в технике (к сожалению,

последнее еще нечасто встречается в нашем футболе, где умение перебегать соперника ценится у тренеров нередко выше, чем техническое совершенство). В соединении же с почти фанатической преданностью футболу это позволяло Веремееву создавать на поле острые ситуации, что называется, из ничего.

Ирландцы, нужно отдать им должное, не собирались отсиживаться в обороне и вымучивать ничью. Атаковали они опасно, если не с таким азартом, как в Дублине, то, во всяком случае, без оглядок на собственные ворота.

Но напрасно центральный нападающий Гивенс, тот самый, что вколотил три безответных гола в Дублине, пытался прорваться на прицельный удар. Если ему и доводилось бить, то Рудаков забирал мяч. Гивенс вскоре сник...

Между тем, мы с Веремеевым уже подбирали ключик к ирландской обороне. Олег Базилевич, видевший ирландцев во время их матча со сборной Швейцарии, неоднократно подчеркивал, что нужно не забывать о предельной отмотобилизованности гостей, ведь они достигли пика спортивной формы, и потому не пытаться взять их элементарным навесом на штрафную... «Нужно изобрести нечто такое, что поставило бы ирландцев в тупик, — говорил он. — И лучше затевать это не в штрафной... В штрафной они действуют без промедлений...»

Казалось, команды играют целую вечность, а в действительности шла только тринадцатая минута. Мы как раз отразили атаку на ворота Рудакова, и не успел мяч оказаться у кого-то из наших в ногах, как я, не дожидаясь, рванулся вперед. Конечно, глупо рассчитывать, что одно лишь желание забить гол может обеспечить успех. Но в тот миг у меня просто-таки была уверенность, что мне удастся это сделать. Я развил без мяча почти максимальную скорость, и, по-видимому, эта моя резвость показалась защитникам если не смешной, то, во всяком случае, наивной. Они упустили миг (а может, просто не рассчитывали, что пас Веремеева может быть так точен и своевременен), а когда спохватились, было поздно: я принял мяч на грудь и не стал тянуть время и выбирать наиболее удобное положение, а с ходу пробил в дальний угол ворот. Мяч еще был в воздухе, когда я почувствовал, что он поразит цель!

Первый гол придал нам энтузиазма, но не смутил ирландцев, узревших в том случайность, невезение, простую ошибку, и они продолжали играть в прежнем ключе. Спустя десяток минут Владимир точно в таком же стиле перебросил

мяч через двух защитников и Колотов в падении прервал его «орбитальный» полет и послал в ворота.

Во втором тайме усталость дала себя знать, темп игры упал и ирландцам удалось забить гол престижа.

В раздевалке, куда мы ввалились после матча, было непривычно тихо. Мы как-то сосредоточенно, уйдя в себя, собирались, не было обычных послепобедных шуточек и розыгрышей. По-моему, наше состояние встревожило тренеров. Помню, как спросил Базилевич: «Ребята, вы что, не рады победе?» Никто не взялся отвечать, но улыбки появились на потных лицах — как же можно было не радоваться победе, ведь она серьезно поправила дела сборной СССР в играх чемпионата Европы, дела, которые еще два часа назад объективно выглядели далеко не блестящими.

Конечно же, форсируя подготовку к новому сезону, тренеры предусмотрели спад в физической форме и, кажется, немало сделали, чтобы его успешно преодолеть. Но одно дело — на бумаге, совсем другое — в жизни. В том сезоне мы почувствовали это на самих себе до конца.

Когда игрался товарищеский матч со сборной Италии в Лужниках в начале июня и мы победили (единственный гол забил Коньков), команда, что называется, была на излете. В подтверждение этого можно привести три поражения: в чемпионате СССР от «Черноморца» и «Пахтакора» и в Кубке СССР от тбилисского «Динамо» на их поле 1:2. Правда, мы сохранили за собой лидирующее положение, но стало очевидно, что нужно предпринимать радикальные, срочные меры, чтобы восстановить форму.

За длинную спортивную жизнь мне ни разу не посчастливилось отдыхать летом, а тем более, на море. Когда же тренеры объявили, что команда, больше того — с семьями, эдаким футбольным табором, отправляется в Ялту, к «самому синему в мире» Черному морю, радости не было конца. Ну что с того, что подобное не позволяла себе ни одна другая наша команда! Это был год неожиданностей не только футбольных, но и в тренерских поисках новых и новых возможностей в развитии и укреплении функциональных возможностей игроков, что должно было нам сохранить высокую боевитость на протяжении сезона, да к тому же участвуя одновременно в нескольких ответственных турнирах. А лишь простое перечисление наших задач на 1975 год кого угодно могло привести в смущение и растерянность: чемпионат СССР и Кубок СССР, Кубок обладателей кубков европейских стран и чемпионат Европы для национальных сборных, Су-

перкубок и старт в розыгрыше Кубка европейских чемпионов. Еще никто не взваливал на плечи одних и тех же игроков подобную глыбу!

Нежась в жарких лучах летнего крымского солнца, мы просто-таки ощущали, как чуть ли не ежечасно вливались в нас свежие силы и, более того, все настойчивее проявлялось желание играть.

Это желание просто-таки перехлестывало через край, когда после возвращения в Киев мы встретились с главным преследователем в чемпионате СССР — с ереванским «Араратом». Эта игра ни в малейшей степени не напоминала ту, что состоялась весной в Ереване. Мы победили гостей с редким для такой сильной и умеющей играть в самых неблагоприятных обстоятельствах команды счетом — 4:0. Мне этот матч запомнился еще и потому, что он был сотым, проведенным в чемпионатах СССР, и еще тем, что ребята помогли мне забить 1500-й динамовский гол в первенстве. (Забегая наперед, скажу, что в 1977-м мне посчастливилось забить 1600-й, а в 1979-м — уже 1700-й...)

И тем не менее, когда в конце лета мы выступали на международном турнире в Севилье, в Испании, менеджер, пригласивший нас, в конце концов развел руками, пораженный нашей беспомощностью. Экспансивный испанец воскликнул: «Вы собираетесь играть с «Баварией»? Побойтесь бога! Да ведь они из вас сделают мальчиков для подавания мячей! Только мячи вы будете доставать из собственных, — вы понимаете это!? — из собственных ворот!» — И предсказал счет — 4:0 в пользу «Баварии».

«Бавария» же, между тем, загодя начала подготовку к встрече с «Динамо» за Суперкубок. Его предложили футбольной Европе голландцы в 1973 году, но тогда он еще не стал официальным детищем УЕФА. Европейский союз футбольных ассоциаций, как и всякий уважающий себя футбольный руководящий орган, не спешил признавать право гражданства за призом, который, как известно, разыгрывается в двухматчевом блицтурнире между обладателем Кубка европейских чемпионов и победителем состязаний на Кубок обладателей кубков европейских стран. Голландский «Аякс», блиставший в те годы такими звездами первой величины, как Круифф, Неекенс, Сурбиер и другими законодателями мод так называемого тотального футбола, дважды владел этим призом, обыграв сначала шотландский «Глазго рейнджерс», а затем итальянский «Милан».

«Бавария» к осени семьдесят пятого два года подряд выигрывала Кубок европейских чемпионов, но еще ни разу не владела огромной серебряной вазой, весящей более двадцати килограммов и отделанной по периметру чистым золотом, и потому ее намерения были не менее серьезны, чем наши. Клуб из Мюнхена считался, и не случайно, кубковой командой, что было еще раз подтверждено весной, когда «Бавария» в Париже нанесла сокрушительное поражение английскому «Лидсу», не без оснований рассчитывавшему на Кубок чемпионов. Дело в том, что «Бавария», как писала пресса, переживала естественный и неотвратимый для любой команды период смены поколений, и в чемпионате ФРГ 1974—1975 годов (профессиональные команды Западной Европы играют с осени до весны) заняла более чем скромное место — десятое. Однако несколько дней спустя «Бавария» получила Кубок чемпионов, и вновь ее звезда загорелась с не меньшей яркостью, чем прежде...

На расстоянии, да еще ориентируясь на зарубежную прессу, нередко преследующую далеко не чисто спортивные цели, трудно было разобраться, что же действительно представляет собой команда, где играли такие звезды, как вратарь Зепп Майер (это о нем тренер «Баварии» сказал: «Он сегодня хорош, как Лев Яшин в свои лучшие времена»), чемпион мира-74 защитник Шварценбек, один из лучших европейских форвардов Герд Мюллер и, конечно же, «кайзер Франц» — 30-летний Франц Беккенбауэр, о котором футбольная зарубежная пресса просто-таки слагала легенды.

Первый матч был назначен на 9 сентября, на Олимпийском стадионе в Мюнхене. Мне уже пришлось там играть в 1972-м, на Олимпиаде.

Улетали мы из Киева не то чтобы в расстроенных чувствах, но далеко не в приподнятом настроении, которого вполне можно было бы ожидать от предвкушения встречи на столь высоком уровне. Было ясно, что не выйдут на поле Веремеев (он отбывал дисквалификацию еще за матч с голландским клубом ПСФ), Мунтян, еще не выздоровевший после травмы, полученной в Днепропетровске, Онищенко и Матвиенко не могли оправиться после игр в Испании.

Из Мюнхена не велась ни телепередача, ни радиорепортаж. «Может, оно и к лучшему, все-таки первый раз на таком уровне играем, — заметил Буряк, когда мы устроились в салоне самолета. — Дома будем выступать, вот тогда...» — «Жаль, если выиграем, а никто не будет видеть, — сказал я. —

Грустно выходить на поле, когда не чувствуешь поддержки... когда никто не видит тебя...»

Я вспомнил, как прощался с мамой. Она отвела меня в сторонку и напутствовала такими словами: «Подумаешь, «Бавария», ну еще одна команда, сколько ты их, сынок, уже видел. Ты постарайся, как умеешь... Мы с отцом не уснем, пока не узнаем результат. Может, телеграммку дашь?»

В Мюнхене нас встретили доброжелательно. Были журналисты, телевидение, обычная суета.

Спал я плохо. Среди ночи поднялся и долго стоял у окна. Но это состояние и отдаленно не напоминало моих сомнений перед матчем в Базеле. Тогда я мучительно старался решить главный вопрос — играть или нет. Теперь меня охватило нетерпение, буквально лишившее сна, — мне хотелось приблизить тот напряженно-волнующий момент, когда мы станем друг против друга — «Динамо» и «Бавария».

...И вот мы стоим друг против друга, и трибуны, почти доверху забитые людьми, бурными криками встречают каждое имя, называемое диктором. Мы тоже с волнением вслушиваемся в знакомые и незнакомые имена и всматриваемся в лица соперников. За «Баварию» играют — Майер, Хорсмани, Дюрнбергер, Шварценбек, Беккенбауэр, Вайс, Вундер, Цобель, Мюллер, Руммениге, Каппельман. За «Динамо» — Рудаков, Коньков, Зуев, Фоменко, Решко, Трошкин, Дамин, Слободян, Колотов, Буряк и я.

Первые минуты матча мы словно боимся отходить от собственных ворот — так, во всяком случае, могло показаться тем, кто сидел на трибунах. Но это не было истиной. Мы не собирались играть защитный вариант — в матчах такого ранга это, считай, верный проигрыш, — однако действовали без спешки и суетливости: с одной стороны, опасались массивных атак на ворота Рудакова, с другой, старались выяснить, кто есть кто в «Баварии», ибо сколько бы ты ни слышал о сопернике, не разгадаешь, пока сам не увидишь его.

Я обнаружил прочную оборону, куда, стоило лишь приблизиться кому-нибудь из динамовцев, немедленно отряжался пятый, а то и шестой игрок «Баварии». И защита «Баварии» носила мобильный, гибкий характер: едва у немцев появлялась возможность организовать атаку, они получали солидное подкрепление из тыла, где защитники как бы оттесняли своих подопечных ближе к центру поля. Персонального стоппера мне не определили, но Беккенбауэр и Шварценбек предпочитали видеть мое лицо, а не передоверять контроль за моими действиями другим. А Герду Мюллеру не повезло — в лице Сте-

фана Решко он встретил достойного опекуна. Мне нравилась манера игры Стефана — точная, незаметная, без излишней жесткости, а, тем более, грубости, он «оплетал» нападающего такой тонкой сетью финтов и обманных приемов, что известному форварду не удавалось выбраться из «паутины». Я ни разу не видел Стефана в растерянности, казалось, уверенность никогда не покидает его. Даже когда у Решко игра, что называется, не шла, вряд ли кто позволил бы себе обвинить Стефана в промахах: Решко умел отдаваться игре до конца, всего себя, не оставляя ни в мыслях, ни в мышцах неиспользованных запасов. Если мы и не знали забот с Мюллером в первом матче, то это — стопроцентная заслуга Решко.

Незаметно пролетали минута за минутой.

Трибуны дружно приветствовали каждый удачный финт, каждый красивый прием или передачу мяча. Дважды мяч оказывался в опасной близости от ворот Майера, но удары Колотова, Слободяна и мои не достигают цели. Правда, где-то в середине тайма я обыграл-таки Беккенбауэра и отдал мяч Леониду Буряку. Майер не дотягивается до него, и Буряк успевает пробить. Но слишком много было в штрафной игроков, и почти с линии ворот кто-то выбивает мяч в поле. Итальянец С. Гонелла, который несколько лет назад судил матч между «Динамо» и испанским «Реалом» в Одессе, показывает, что взятия ворот не было и можно играть дальше...

Немцы словно красовались перед земляками мастерством и добротностью построений. Беккенбауэр даже иногда позволял себе улыбаться — роскошь просто-таки недопустимая в играх, где решается судьба главного приза. Но потом я понял: этот футбольный гранд, профессор и стратег, участник трех чемпионатов мира и чемпион мира, для которого не существовало тайн в нашей загадочной, непостижимой до конца игре, просто... таким образом успокаивал товарищей по команде. Своеобразный врач-психолог на футбольном поле.

Это открытие меня буквально потрясло. Если Беккенбауэр делает все возможное, чтобы подбодрить игроков, воодушевить их в ситуации, когда казалось, что преимущество, пусть не реализованное пока в голах, на стороне хозяев, значит, соперники тоже не так уж легко контролируют положение... Правда, от этого открытия легче не стало — немцы успевали в любую точку поля, куда только ни направлялся мяч. Матч протекал без высоких скоростей, нужно отдать «Баварии» должное: ее игроки умели навязывать сопернику свой темп. А в той ситуации (сезон в ФРГ лишь недавно начался) замедленность была на руку хозяевам.

В перерыве особых разговоров не было. Тренеры сделали отдельные поправки, но в целом такой ход событий нас вполне устраивал, ибо даже школьнику нынче известно, что ничья на поле соперника — половина выигрыша.

Лишь Базилевич, когда раздался сигнал на выход, сказал: «Ребята, нужно бить по воротам. Обязательно. Они должны почувствовать неуверенность в собственной штрафной».

Снова позиционная борьба, снова неторопливое разыгрывание мяча. Но в том не было и тени проволочек, столь часто встречающихся в футболе, когда игроки стараются убить время. Мы чувствовали, что немцы исподволь, осторожно накапливают силы для решающего приступа. Уже позже, когда оба матча были выиграны, и Кубок был у нас в Киеве, раскрылся тактический план Д. Крамера. Крамер собирался сыграть с «Динамо» в ту самую игру, которую он предложил весной «Лидсу»: тогда две трети времени немцы отсиживались в обороне, а на последней двадцатиминутке буквально разметали англичан.

Не будь Виктора Колотова и Леонида Буряка, Стефана Решко и Евгения Рудакова, всех моих товарищей, кто вышел играть против «Баварии», вряд ли мне удалось бы сделать то, что сделал я. Кто-то должен был выйти на острие, на самый трудный участок. Это мог быть и Буряк, и Колотов, который после жесточайшего удара нашел в себе силы вернуться на поле с замороженным коленом, и Дамин, и Слободян, и Коньков, тогда все чаще, все решительнее подключавшиеся в атаки...

Но так случилось, что команда вывела на острие меня.

Впрочем, предоставляю слово человеку со стороны — с трибуны, корреспонденту «Футбола — хоккея». Вот что было написано по горячим следам событий: «В середине второго тайма, когда киевляне отбили очередную массированную атаку хозяев поля, мяч был послан на левый фланг Олегу Блохину. Он принял мяч еще до центральной линии поля, кинул его вперед и, сопровождаемый защитником соперника, рванул по флангу. Не доходя до угла штрафной площадки, Блохин осмотрелся в поисках партнеров. Но они еще не успели выйти из обороны, и на половине поля «Баварии» Блохин не нашел никого из динамовцев. В этот момент здесь, кроме вратаря Майера, было еще пять игроков обороны хозяев. Безвыходная, кажется, для форварда ситуация! Но Блохин доказал, что... не существует ситуаций безвыходных... Сместившись чуть к центру, он смело вступил в борьбу... Обыграл сначала двух защитников, затем тут же третьего и, пока не успел в

борьбу вступить четвертый защитник, форвард с ходу, без раздумий нанес редкий по точности удар в дальний от голкипера угол...»

Это — со стороны.

Когда матч закончился, ситуация на поле еще долго стояла перед моими глазами, и я вновь и вновь «проигрывал» ее, стараясь до мельчайших деталей восстановить каждый свой шаг, каждую свою мысль, ибо я тоже хотел понять, как же это все получилось, и — что греха таить — насладиться радостью, которая останется, я это твердо знал, на всю жизнь...

В том, как немцы атаковали ворота Рудакова, уже чувствовалось дыхание надвигающейся грозы. Я видел горящие неистовым азартом глаза Мюллера, взвинченного до предела сопротивлением Стефана Решко, уже перестал улыбаться «кайзер Франц», личным примером и короткими подсказками, звучавшими как приказ, подстегивающий товарищей, неутомимо рвался вперед Руммениге. Вот-вот должен был произойти взрыв, так долго подготавливаемый «Баварией», взрыв, что мог разнести на мелкие кусочки весь наш, раньше таким трудом завоеванный, выстраданный успех...

Но взрыв еще не грянул. Решко в какой уж раз пресек действия Мюллера, а команда по-прежнему, несмотря на видимую даже со стороны «закрытость» лучшего немецкого нападающего, продолжала играть на Герда, и только на него. Мяч заскочил на секунду в нашу штрафную, и тут же Коньковым был переправлен подальше от ворот. Ко мне он попал, когда до центральной линии поля оставался добрый десяток метров. Первым побуждением было как можно дальше прорваться по флангу вперед, а затем попытаться сыграть с кем-то из подоспевших товарищей. Как там случилось, трудно сказать, но то ли я развил слишком большую скорость, то ли мои товарищи (а Буряк действовал со мной в одном тандеме на протяжении игры) не уловили рывка, только когда я поднял голову и на бегу осмотрелся, то обнаружил... лишь пятерых немецких защитников. «Эх, такая ситуация пропадает! — огорчился я. — Хотя бы кто-нибудь был рядом!» Это открытие обдало меня, как ушатом холодной воды, мне показалось, что я даже снизил скорость, точно был готов смириться с неудачей.

Скорее всего, именно так и прочли мои намерения защитники «Баварии». Беккенбауэр не спеша тронулся со своего места, перекрывая возможный «коридор» моего движения, за ним качнулся в сторону и Шварценбек.

Если чем и прекрасен спорт, то, наверное, вот такими не-

описуемо загадочными прорывами сквозь барьеры, воздвигаемые на твоём пути опытом, который свидетельствует: нет, в такой ситуации просто невозможно добиться успеха.

Возможно, еще как возможно!

Именно для того, чтобы раздвинуть границы этих возможностей, мы и тренируем мышцы и волю, терпим разочаровающие поражения и снова рвемся в бой, ищем, пробуем, рискуем, и в конце концов добиваемся своего, победы над собой и над соперником, гнем чужую силу, чтобы стать еще сильнее...

Я презрел все каноны и ринулся вперед. Первые два защитника промелькнули мимо меня, как искры, — только в глазах зарябило. Третьего я «раскачал» из стороны в сторону, и он остался позади. Но передо мной уже вырос Вайс, и я понял, что его обойти не удастся, это уж как пить дать. Да зачем мне его обходить? Бить! И немедленно!

Майер ушел в ту сторону, куда двинулся защитник. Он хотел подстраховать его, на тот случай, если я все-таки прорвусь. Я ударил в дальний от вратаря угол...

Концовка игры осталась за нами. В той редкой слаженности динамовцев, что проявлялась по всему полю, было видно отточенное мастерство и одухотворение, которые нечасто приходят к спортсменам, к коллективу, носящему имя — команда; и дело не только в том, сколько и как тренируется команда в целом и каждый спортсмен — в отдельности, это — сродни творческому вдохновению, без которого не рождается великое.

Мы покидали Мюнхен, переполненные впечатлениями, и еще долго говорили и спорили о матче и никак не могли насладиться им, выискивая, как нам казалось, самое важное, самое интересное, что каждый познал и прочувствовал за девяносто минут игры. Мне кажется, были в тех разговорах и легкие оттенки грусти: мы словно бы понимали, еще не осознав это, что где-то совсем рядышком финиш самого прекрасного нашего года.

Спустя почти четыре недели, поздним вечером 6 октября 1975 года, Дитмар Крамер скажет: «Киевское «Динамо» на своем поле выглядело значительно сильнее, чем в Мюнхене. Хозяева показали игру экстра-класса. Если говорить об игре «Динамо» в целом, то команда, и это необходимо подчеркнуть, сыграла замечательно не только в атаке, но и в обороне, продемонстрировав строжайшую игровую дисциплину. Ко-

нечно, можно считать главным и самым грозным оружием «Динамо» коллективизм. Но в Советском Союзе и раньше были команды, делавшие упор в игре на это качество. «Динамо» же, на мой взгляд, превосходит их — в этой команде коллективизм игры сочетается с тщательным подбором ярких футбольных индивидуальностей».

В Киеве пылала золотая осень, дни были светлые, солнечные, теплые. На нашей базе царила деловая, но вместе с тем праздничная атмосфера, хотя забот у нас хватало. Заканчивался футбольный сезон, в нем мы уступили лишь Кубок СССР. Впереди — игры на Кубок европейских чемпионов, а еще дальше — игры XXI Олимпиады в Монреале.

Но прежде мы должны были встретиться с «Баварией», уже у себя — на поле Республиканского стадиона. Интерес к матчу был повсеместный, и мы это ощущали не только по повышенному вниманию к каждому нашему выступлению, но и по тону газетных статей. Как-то неожиданно сошли на нет критические замечания в адрес «Динамо» и появилось редкое единство в мыслях и пожеланиях: все нам пророчили победу. Мюнхенский матч нередко упоминался в подкрепление той или иной мысли. Я не могу сказать, что мы подверглись тотальному захваливанию, но наши недостатки как-то отступили на второй план, растворились в радужных надеждах, которые тогда связывались с киевским «Динамо»...

Но наше отношение ко всему этому было несколько иным. Сегодня уже можно признаться, что даже победа в Мюнхене не лишила «Баварию» того стойкого и яркого ореола суперклуба, который все может и который далеко не раскрылся перед нами; ощущая его воздействие на свои мысли и планы, мы тренировались и готовились к матчу, как к самому важному событию не только закончившегося сезона, но, возможно, и всей своей спортивной карьеры. И, как показали последующие события, так оно и вышло.

Если иногда в играх внутреннего чемпионата — а мы здесь уверенно лидировали, значительно опережая остальных соперников, и в первую очередь «Шахтер», занявший в конечном итоге второе место, — кое-кто из футболистов «Динамо» позволял себе уклоняться от силовой борьбы, то в этом проявлялось не эгоистическое чувство самосохранения, а желание во что бы то ни стало уберечь ноги к матчу с «Баварией». Но футбол не признает балетных па, и чем сильнее выглядели мы, тем упорнее складывалась борьба, тем труднее давались победные очки. Мы стали терять товарищей. И одной из самых разочаровывающих потерь была серьезная травма, по-

лученная Виктором Колотовым в матче с ЦСКА. Я помню скорбное лицо Виктора, его внезапно появившуюся на лице отрешенность от всех нас, окруживших его и говоривших что-то подбадривающее и успокаивающее. Он же, лучше нас осознавший серьезность положения, уже понял, что матч, столь страстно ожидаемый, сыграют без него. У меня сжалось сердце до боли, и я суеверно отогнал мысль, что на его месте мог оказаться сам, и мысль, что я могу не играть против «Баварии», заставила замереть сердце.

«Ничего, пройдет, пройдет, ребята!» — повторял Виктор в ответ на наши добрые пожелания, а сам смотрел сентябрем. А ведь этому человеку не откажешь в мужестве и выдержке, в полной самоотдаче во имя коллектива, во имя товарищей. Откровенно говоря, ему тогда, в Мюнхене, по всем законам нужно было покинуть поле, столь тяжелой оказалась его травма. Но капитан наш остался на капитанском мостике до финального свистка, и лишь он один знает, ценой каких усилий ему это удалось...

Потом в матче — первом матче в Кубке европейских чемпионов — выбыл из строя второй участник мюнхенского поединка — Виктор Матвиенко. Не в лучшем положении, кажется, был и Владимир Онищенко, но он упорно твердил всем (а себе, наверное, в первую очередь!), что готов играть и непременно выйдет на поле. Его страстное желание подействовало даже на нашего врача, и он тоже стал поддакивать Владимиру, крепя его веру.

Зато не мог не радовать тот факт, что вновь будут в команде Владимир Мунтян и Владимир Веремеев.

За три дня до матча, когда в Киеве только и разговоров было о «Баварии» и когда знакомые и друзья просто-таки обрывали домашние телефоны и подлавливали нас, где только могли, и требовали, вымаливали «один билетик», нас увезли в Кончу-Заспу, и загородная тренировочная база «Динамо» стала напоминать осажденный лагерь. Тренеры запретили какие бы то ни было посещения и отключили городские телефоны. Окончательный состав был назван в день матча, когда «Бавария» уже прилетела в Киев и стало известно, что не выйдет на поле Герд Мюллер, перенесший операцию на бедре, а также Цобель. Зато мои визави по прошлому поединку — Беккенбауэр и Шварценбек, судя по всему, постараются взять реванш за не слишком удачную игру в Мюнхене. Вот как выглядели соперники, когда прохладным октябрьским вечером выходили на поле Республиканского стадиона: «Бавария» — Майер, Хорсмани, Дюрнбергер (его заменил на 70-й ми-

нута Хансен), Шварценбек, Беккенбауэр, Рот, Вундер, Шустер, (Торстенссон, с 78-й минуты), Вайс, Руммениге, Каппельман; «Динамо» — Рудаков, Коньков, Зуев, Фоменко, Решко, Трошкин, Мунтян, Онищенко, Буряк, Веремеев и я.

В отличие от первого поединка, когда мы на первых порах более чем строго действовали в обороне, не давая сопернику и малейшего шанса «раскачать» наши заградительные редуты, теперь «Динамо» объявило своим главным принципом масированную атаку. На ворота соперника были нацелены постоянно, помимо меня и Онищенко, Буряк, Коньков, Мунтян, Трошкин, Веремеев. Принцип: все в нападении — все в обороне свято соблюдался на протяжении девяноста минут игры, и мне немало доставалось именно тогда, когда я в поте лица трудился у ворот Рудакова. Мне было все равно, где играть, потому что любой шаг, как бы далеко от ворот Майера он не начинался, в конечном итоге продвигал нас к столь желанной, столь нужной нам победе.

Мы исповедовали тотальный футбол и не скрывали этого.

Вот уже Володя Мунтян, как всегда красиво, отбирает мяч и в одно касание переправляет его в штрафную, где, подобно челноку, снует Онищенко. Мне издали кажется, что угол атаки очень остр. Но Володя все же бьет, Майер бросается, скорее всего так, на всякий случай, потому что мяч проходит мимо ворот.

Я часто, но пока безрезультатно меняю позиции: то прорываюсь по левому краю, то смещаюсь в центр или вообще ухожу — поближе к Рудакову. Мой персональный «сторож» Шварценбек сбивается с ног, пытаюсь поспеть за мной. Пока это удастся ему, и вот с ударами мне не везет — все нет и нет прицельной точки, хотя время неумолимо отсчитывает минуты. Я часто — чаще, чем требуется в подобной ситуации, — поглядываю на черное в белых лампочках табло. Внутри у меня все кипит, возбуждение просто-таки перехлестывает через край. Тороплюсь, мысленно, кажется, даже покрикиваю на ребят: давайте, давайте, почему так медленно. Пытаюсь совладать с собой, ибо головой, рассудком понимаю: игра и так идет на скоростях, пожалуй, быстрее, чем нужно в начале матча. Так вообще можно все потерять — ведь есть в футболе такое выражение «забегаться». Оно означает глупую поспешность, пусть и диктуемую благими намерениями, но чаще всего приводящую к противоположному результату: сил вкладывается много, а отдача равна нулю, или вообще успех достается сопернику.

Но нет, и еще раз нет, сегодня мы не имеем право играть

плохо, даже если фортуна в образе штанги, перекладины, чьей-то ноги будет бесконечно вставать на пути мяча, который, чудится, уже летит в сетку соперника. Я пытаюсь повторить мюнхенский слалом и пытаюсь проскочить между двумя защитниками «Баварии». Да, Шварценбек хорошо усвоил урок. Он не поддается на мои «раскачивания» и правильно выбирает положение. Мяч снова потерян...

Меня начинает тревожить бесцельная беготня, во всяком случае мне кажется, что ребята на меня волками глядят. Бегаю, суета сует, вот-вот возникнет ситуация, но в последний миг надежда испаряется. Не то чтобы Шварценбек серьезно мешает мне, нет, напротив, упорство, с каким он пытается связать меня по рукам и ногам (ведь это опытнейший защитник, умеющий безошибочно действовать и ногами и корпусом), лишь распаляет меня, заставляет искать новые и новые решения. Спасибо ему, он действует профессионально: жестко, но без тайной грубости. А вот Хорсмани просто-таки терроризирует Володю Онищенко — я слышал, как вскрикивал Володя от нестерпимой боли, в очередной раз уложенный на траву. Я кажется что-то зло кричу судье, пробегая мимо. Бабачан, рефери из Турции, останавливает игру и решительно предупреждает баварца. Немец — сама любезность, сама мягкость: он руки к груди молитвенно прикладывает, возносит их вверх и одновременно возводит глаза к небу, мол, ни сном ни духом не ведаю, за что такая суровость. Но достаточно бросить взгляд на искаженное болью лицо Онищенко, чтобы раскусить притворное раскаяние немца.

Вдруг возникает возможность прорваться по краю. Я делаю ускорение, путь перекрывает Беккенбауэр, но ловится на мою хитрость и пропускает вперед. Правда, в штрафной людей немало, но Шварценбек далеко, Хорсмани и Дюрнбергер заняты выяснением отношений со своими визави, и мне открывается простор. Делаю еще несколько шагов, еще — передо мною один Майер. Гол, теперь ему никуда от меня не уйти. Бью с левой, с любимой ноги. Мяч вкручивается в воздух, мне даже чудится — со свистом...

Откуда Шварценбек появился на пути мяча, ума не приложу! Ведь он даже отдаленно не принимал участия в этой ситуации, и на тебе! Майер, он находился в дальнем от меня углу и никак не мог дотянуться до него, и... вдруг Шварценбек. Мяч врезался в немецкого защитника и далеко отскочил в поле.

Ухожу подальше от Майера. Сердце колотится в бешеной тряске, пот струится, заливает глаза, а руки у меня холодные,

как лед. Я даже пробую шевелить пальцами, мне кажется, что пальцы у меня застыли, как сосульки. Нормально, пальцы как пальцы.

На поле, между тем, продолжается штурм ворот «Баварии». Онищенко вышел на ударную позицию, ему нужно бы перевести дыхание, тем более, что поблизости не было соперников, но он поспешил, и мяч стал легкой добычей Майера. И тут уже гости, воспользовавшись секундной паузой, возникшей после удара в рядах наступавших, мгновенно бросают вперед Рота. Он легко проходит поле, и Рудаков с трудом ликвидирует опасность. Это возвращает меня в нормальное состояние — игра идет, некогда предаваться размышлениям. Искать и искать пути к воротам! Не может быть, чтоб не появился «коридор», который не успеют — или не сумеют — перекрыть ни Шварценбек, ни Беккенбауэр. Мне видно, как тяжело «кайзеру Францу», ничего не поделаешь, тридцать лет — для футбола это возраст.

Первый тайм близится к концу. Белая цепочка ламп уже отсчитала больше половины круга.

Темп спадает, обе команды подустали, и требуется перегруппировка сил. Идет трудная, четко контролируемая игра в центре поля или чуть сместившись к воротам «Баварии». Со стороны легко может показаться, что мы дотягиваем тайм, сохраняя равенство сил. Но я вижу, да что там вижу — сам тоже ведь просто-таки выискиваю малейшую возможность вырваться вперед, создать голевую ситуацию. Первым разряжает обстановку Веремеев — он нетерпелив, нервен, весь как стрела, летящая в цель. Безрезультатно.

Снова мяч мечется от игрока к игроку. Я вижу, как Мунтян ищет, куда бы, кому бы отпасовать мяч. Я бросаюсь на всякий случай вперед, повторяю, на всякий случай, потому что не уверен, увидел ли Володя мой маневр.

Я на левом фланге, но мяч точно ложится мне в ноги, я его лишь слегка бережно придержал — и сразу вперед. Никого передо мной. Разве что Майер сжался в пружину. Чувствую, что он прыгнет в дальний угол. Шварценбек в отчаянном подкате пытается помешать мне. Поздно. В этот удар я вкладываю сполна свою злость на самого себя за все предыдущие неудачи.

Как во сне вижу: замедленно, тягуче мяч нехотя, словно свинцовый, пересекает линию. Беккенбауэр застыл на том месте, где его застал гол.

Тут только до меня доходит, что я наконец-то забил. Меня просто подбрасывает в воздух.

В перерыве я лежал пластом.

Ничего не слышал, никого не видел. Даже Буряк ничего не спрашивал, ничего не говорил мне. Впрочем, кажется, в таком же состоянии были все — ой, как нелегко дался нам этот тайм, какие усилия пришлось приложить, чтобы добиться успеха.

Когда мы вышли снова на стадион, сто тысяч зрителей, наших верных помощников, устроили такую овацию, что внизу, на поле, нас буквально оглушило.

Спасибо вам, сидящим на трибунах, за это проявление любви и доверия, за поддержку, за силы, даруемые нам каждым сердцем...

Воспоминания о втором тайме у меня смазаны, как на неудачно проявленной пленке. Какие-то отрывки, смутные догадки, предположения, но единой четкой связующей нити нет. Знаю, что играли мы, как никогда прежде, и некогда было остановить мгновение — ибо все они были прекрасны, и мы жили полной жизнью, и счастье переполняло нас.

Когда меня снесли — даже не упомяну, кто это сделал, — у штрафной, я даже не обиделся. Ведь мюнхенцы — прекрасные футболисты, у них есть чувство гордости и профессиональная честь. Наверное, я задел их честь, обозлил тем, что вновь, как и тогда, в Мюнхене, обошел трех защитников и ринулся к воротам. И меня уложили... Может, это было и справедливо...

Долго устанавливали мяч. Приготовился бить Мунтян. Он, как известно, большой был специалист по пушечным ударам издали.

Что меня дернуло, не знаю. Я почувствовал, что забью, или желание забить было велико, не скажу, но только я подошел к Володе, который уже пошел на разбег... Я попросил...

Он как-то оторопело посмотрел на меня и сказал: «Бей, Олег...» Просто, без всякой обиды или недовольства. Его ровный голос, какая-то даже радость буквально толкнули меня к мячу.

Стенка была выстроена по всем правилам, в девяти метрах. Судья остался доволен. Я не видел из-за стенки Майера, но чувствовал, что он видит меня.

Мяч как бы пробивает стенку и влетает в ворота.

Когданесли огромную чашу Суперкубка в раздевалку, Володя Мунтян произнес: «Тяжела. Хорошо, что немцы привезли, а то намаялись бы...»

СОДЕРЖАНИЕ

I. ЛИХА БЕДА — НАЧАЛО... _____	5
II. ФУТБОЛЬНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ _____	21
III. НА ПОДСТУПАХ К МЕЧТЕ _____	62
IV. ЭТОТ НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ГОД _____	103
V. ГОЛ, КОТОРЫЙ Я ЕЩЕ НЕ ЗАБИЛ _____	146

Олег Владимирович Блохин

ГОЛ, КОТОРЫЙ Я НЕ ЗАБИЛ

Повесть о футболе

Литературная запись

Игоря Ивановича Заседы

Серия «Знаменосцы спорта»

Киев. «Молодь», 1981

В книге помещены фото

Ю. СОКОЛОВА

Художественное оформление

В. В. СОКИРКО

Редакторы

Ф. М. КСЕНЗЕНКО,

С. В. НОВОХАЦКИЙ

Художественный редактор

С. В. ВАСИЛЕНКО

Технический редактор

С. Г. ОРЛОВА

Корректоры

В. В. ЕВДОКИМОВА,

З. М. КЛЕЩЕНКО,

О. В. ЯМЧУК

Информ. бланк № 1329

Сдано в набор 03.07.81. Подписано к печати 17.11.81.
БФ 20606. Формат 60×84^{1/16}. Бумага тип. № 1. Гарнитура школьн. Печать высокая. Усл. печ. л. 11,16. Усл. кр-отт. 18,14. Учетно-изд. л. 9,19 + 1,84 вкл. + 0,42 форзац. Тираж 65 000. Зак. № 1-1653. Цена 1 р. 20 к. Ордена «Знак Почета» издательство ЦК ЛКСМУ «Молодь», 252119, Киев-119, Пархоменко, 38-44.

Головное предприятие республиканского производственного объединения «Поліграфкнига», 252057, Киев, ул. Довженко, 3.

Б70 Блохин О. В.
Гол, который я не забил: Повесть о футболе. Лит-
запись Заседы И. И. (Серия «Знаменосцы спорта»).—
К. : Молодь, 1981.— 160 с.

Заслуженный мастер спорта СССР Олег Блохин рассказывает о футбольной
команде киевского «Динамо». Значительное внимание в книге уделяется пробле-
мам игры в футбол.

В 70302—138
М228(04)—81 28.81.4702010200

ББК 75.578
7А8.5

СФ. "НАШИ В ЕВРОКУБКАХ"

WWW.CD.FAMILY.BEERONLINE.RU